

MUSEUM 182

международный журнал

Музеи Крайнего Севера

Петергоф

Музей воды

museum международный журнал

Ежеквартальный *Международный журнал "Museum"*, посвященный теории и практике музейного дела, издается Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры в Париже.

Журнал выходит в Париже на французском и испанском языках, в Оксфорде – на английском, в Каире – на арабском, в Москве – на русском.

№ 182 (№ 4, 1994)

На первой странице обложки

Деревянная маска из Восточной Гренландии, около 1930 года.

© The Greenland National Museum and Archives, 1988

На последней странице обложки

Арктикум – новое здание
Провинциального музея Лапландии
в Рованиеми, Финляндия.

Photo: The Provincial Museum of
Lapland/Jukka Suvilehto

Ответственность за подбор и изложение фактов в подписанных статьях несут сами авторы. Высказанные ими мнения могут не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО. Встречающиеся в статьях формулировки и определения, которые касаются правового положения государств, территорий, городов и регионов, а также их управления или определения границ между ними, могут не отражать позиции ЮНЕСКО по затрагиваемым проблемам.

Издание на русском языке
осуществляет А/О Издательская
группа «Прогресс»

Объединенная редакция журналов
ЮНЕСКО на русском языке

Главный редактор: Марсия Лорд
Заместитель главного редактора:

Ика Каминка

Помощник редактора: Кристин
Уилкинсон

Художественный редактор: Кароль
Пажо-Фон

Редактор издания на арабском
языке: Махмуд эль-Шенити

Редактор издания на русском языке:
Ирина Пантыкина

Главный редактор: И. Уткина

Редактор русского издания:
И. Пантыкина

Редактор: Т. Телегина

Художественное и техническое
редактирование: И. Цалкина

© ЮНЕСКО, 1994

© Перевод на русский язык

А/О Издательская группа

«Прогресс», 1994

Консультативный комитет

Гаэль де Гишен, ИККРОМ

Жан-Пьер Моан, Франция

Стелиос Пападопулос, Греция

Элизабет де Порт, генеральный
секретарь ИКОМ, ex officio

Роланд де Сильва, президент
ИКОМОС, ex officio

Лисе Скёт, Дания

Шаже Тшилуйла, Заир

Нэнси Хашн, Канада

Томислав Шола, Хорватия

Яни Эрреман, Мексика

Напечатано в Российской Федерации

Адрес русской редакции:
119847, ГСП, Москва, Г-21,
Зубовский бульвар, 17
Телефон: 247 17 94

Адрес главной редакции:

ЮНЕСКО, Франция, Париж, 75700,
Плас Фонтенуа, 7

Телефон: (33.1) 45 68 43 39

Факс: (33.1) 42 73 04 01

Уважаемый читатель!

Если Вы живете или работаете в Москве, Вы можете оформить подписку на *Международный журнал "Museum"* в редакции, минуя отделения связи и Роспечати и экономя на доставке. Позвоните нам по телефону: 247 17 94 или напишите по адресу: 119847, ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17, Объединенная редакция журналов ЮНЕСКО.

Русская редакция *Международного журнала "Museum"*

<i>От редакции</i>	3	
<i>Досье: Музеи Крайнего Севера</i>	4	Особенности северных музеев <i>Чарлз Д. Арнольд</i>
	6	Государственный музей Аляски: связь с общественностью <i>Стив Хенриксон</i>
	11	Россия: малые музеи народов Севера <i>Михаил Данилов</i>
	15	Резная скульптура: Эскимосский музей <i>Лоррейн Брендсон</i>
	18	Выставки, посвященные искусству Арктики
	21	Центр наследия народов Севера принца Уэльского: больше чем музей <i>Борис Атаманенко, Барб Камерон, Ян Муар</i>
	26	Вновь обретая прошлое: Гренландский национальный музей и архив <i>Йозель Берглун</i>
	30	Справляясь с переменами: Провинциальный музей Лапландии <i>Райли Хуопайнен</i>
	33	Музей Тромсё: витрина для природы <i>Брюнхилль Мёрквед, Роб Барретт</i>
	37	Музей на Шпицбергене: самый северный музей в мире <i>Эллен Мари Хагевик</i>

<i>Точка зрения</i>	41	Период выживания: музеи в девяностые годы <i>Барри Х. Розен</i>
---------------------	-----------	--

Когда человечество было еще очень молодо, оно уже знало, что над миром властвуют некие природные силы. Жившие по берегам теплого моря греки называли эти силы Огонь, Земля, Воздух и Вода... Около 330 года до н.э. греческий математик и мореплаватель Питеас (Пифей) совершил фантастическое путешествие на север в Исландию и достиг Гренландского моря. Там он встретился с пятой стихией во всем ее белом и холодном величии, а вернувшись к теплому голубому Средиземному морю, как мог описал все, что видел. Соотечественники сочли его лжецом, потому что даже их живое воображение было бессильно представить себе величие и могущество, заключенные в белом веществе, которое иногда слегка прикрывало вершины гор, где обитали их боги¹.

«Белое и холодное величие» Крайнего Севера продолжает и сегодня захватывать и будоражить воображение, но слишком часто за ним скрывается иная, горькая реальность – люди, оторванные от своих корней, лишённые своей истории и языка, предметов и реликвий, составлявших смысл их прошлого; культуры, беззащитные перед нашествием чуждых и часто враждебных цивилизаций, исчезающие под воздействием быстрых и разрушительных социальных перемен. Сами музеи стали одним из таких чуждых институтов, «пересаженных» на территорию коренного населения, которое едва ли было в состоянии распорядиться своей собственной судьбой.

И все же эта мрачная картина начинает меняться к лучшему. Народы Севера все больше осознают единство приполярного мира и протягивают друг другу руку помощи, чтобы утвердить свои общие ценности и защитить свои интересы. В настоящее время музей рассматривается как главный фактор в восстановлении материальных и нематериальных аспектов коллективной памяти. Активно участвуя в воссоздании того, что можно назвать «духом Севера», музей и сам меняется и ставит перед собой более широкие цели.

Тот факт, что возрождение это происходит в международном масштабе, подтверждают статьи, вошедшие в данный тематический номер. От Северной Америки до Гренландии, Скандинавии и России – повсюду музеи Севера расширяют свою традиционную деятельность, привлекая новую публику и создавая новые программы, возглавляя движение за возвращение на родину предметов искусства и памятников материальной культуры, – одним словом, собирая культурное наследие, казалось бы утраченное навсегда. Поскольку 1993 год был объявлен ООН Международным годом коренных народов, *Международный журнал "Museum"* считает целесообразным привлечь внимание к этому поучительному опыту. Мы выражаем глубокую благодарность Чарльзу Д. Арнольду, руководителю отдела культурного наследия Центра наследия народов Севера принца Уэльского в Йеллоунайфе (Северо-Западные территории, Канада), за помощь в подготовке данного номера.

М. Л.

Примечание

1. Farley Mowat, *The Snow Walker*, Toronto, Seal Books, 1977.

Особенности северных музеев

Чарлз Д. Арнольд
(Charles D. Arnold)

В наше время экономических проблем музеи, где бы они ни находились, сталкиваются с финансовыми трудностями, что мешает их работе, а зачастую ставит под вопрос само их существование.

Вместе с тем многие музеи ищут новые подходы, чтобы более чутко реагировать на изменение потребностей и интересов общин, которым они служат. Музеи, расположенные на Крайнем Севере, не остались в стороне от этих забот. И в самом деле, для большинства северных музеев в силу их географического положения — а во многих районах и в связи с недавним колониальным прошлым — эти проблемы выдвигаются на передний план.

В большинстве северных стран население крайне малочисленно и плотность его очень низка, к тому же нередко оно отличается культурной разнородностью. Далеко не во всех населенных пунктах имеется достаточно людских и финансовых ресурсов, чтобы поддерживать музеи. Любое здание, в котором хранятся хрупкие предметы материальной культуры, должно защищать их от сурового северного климата, но строительство и эксплуатация такого здания стоят больших денег. Квалифицированный музейный персонал часто приходится приглашать «со стороны», к тому же в маленьких населенных пунктах очень трудно набрать и удержать добровольцев, составляющих костяк многих музеев мира. Но даже там, где музеи есть, люди могут не понимать их значимости. Верно это или нет, но музеи часто рассматривают как хранилища вещей, «бытовавших раньше». Коренные народы обычно гораздо больше озабочены сохранением своих языков и образа жизни, которые еще существуют, но испытывают постоянное воздействие чуждых культур. Понятно, что ощущение ненужности музеев возрастает, если местные жители видят там экспонаты, трактующие их культуру с позиции «чужаков». Невозможность получить в музее работу, поскольку она требует специальных навыков и знаний, способна лишь усилить эту отчужденность. Каким же образом музеи могут стать более близкими и понятными местному населению?

Слово «сотрудничество» используется в музейных кругах все чаще, порой им просто злоупотребляют. Риск чрезмерного употребления не уменьшает необходимости того, чтобы музеи способствовали участию общественности в самых разных делах — начиная от решения вопроса, стоит ли выставлять какой-либо предмет, и кончая работой с коллекциями. Один из путей достижения этих целей состоит в поиске и сборе информации, полученной с

помощью наблюдений и через непосредственный опыт, передаваемый из поколения в поколение. Часто хранителями такой информации являются коренные народы. Использование традиционных знаний о природных объектах и культурно-исторических предметах может помочь хранителям, а также посетителям понять музейные собрания лучше, чем это достигается с помощью лишь научных знаний. Северным музеям, находящимся на территории проживания коренных народов, имеющих крепкие связи с землей и своим прошлым, проще получать подобную информацию, и многие из них не упускают такой возможности. Однако нам следует осознать, что долг музеев — возвращать, причем в не меньшей степени, чем брать.

Одним из путей возвращения (в буквальном смысле слова) является реституция. В Северо-Западных территориях Канады много усилий прилагается для решения проблемы, касающейся претензий, предъявляемых коренными народами на свои земли. В связи с этим в ходе переговоров часто поднимается вопрос об обязательстве реституции предметов культурного и исторического характера. Одним из принципов, лежащих в основе решения вопроса относительно территориальных претензий в Северо-Западных территориях, является необходимость соблюдать баланс между властью и ответственностью. Стороны пришли к соглашению, что реституция предметов материальной культуры и архивных материалов будет проводиться только тогда, когда будут построены подходящие здания и созданы условия для их хранения. Поскольку признано, что на это требуется довольно продолжительное время, к правительству Северо-Западных территорий обратились несколько групп, выступающих с территориальными претензиями, с просьбой оказать содействие предпринимаемым усилиям, установив наличие интересующих их предметов и определив, на каких условиях они могли бы

быть возвращены на Север. Предусматривается, что государственный музей – Центр наследия народов Севера принца Уэльского – будет служить временным хранилищем для предметов, что позволит выставлять их прежде, чем будут построены музейные здания на спорных территориях. Уже заключены временные хранилищные соглашения с несколькими организациями коренных народов, согласно которым Центр наследия народов Севера обеспечивает профессиональный уход за предметами и архивными материалами, находящимися там и зачастую выставляемыми от имени культурных организаций коренных народов, не располагающих в настоящее время соответствующими помещениями для их хранения. Центр наследия народов Севера должен также оказывать содействие организациям коренных народов в проектировании и создании их собственных музеев, а также в сборе необходимых денежных средств, хотя термин «музей» не всегда точно характеризует учреждения, создаваемые в настоящее время упомянутыми организациями для удовлетворения нужд в области своей культуры и исторического наследия.

Поскольку далеко не все северные общины имеют возможность организовать у себя музей, на уже существующие музеи часто возлагается обязанность проводить работу за пределами собственных стен с целью охватить как можно более широкие слои местного населения. Это может осуществляться путем организации передвижных выставок или проведения музейных мероприятий в отдаленных населенных пунктах. Некоторые северные музеи даже уполномочены оказывать содействие проектам по развитию культуры и со-

хранению наследия, инициаторами которых являются общины. В Северо-Западных территориях мы обнаружили, что содействие таким проектам почти всегда выводит нас за рамки привычной для музеев деятельности. Для многих представителей коренных народов культура и наследие неотделимы от родного языка, поэтому очень большое внимание уделяется сохранению и возрождению местных языков. Во многих общинах сейчас организуются специальные «культурные» лагеря, где старшие представители коренных народов обучают молодежь традиционным видам деятельности на своем родном языке. Подобная форма обучения облегчает усвоение и того и другого. В некоторых общинах собирают и изучают традиционные названия местных географических особенностей, а также связанные с ними истории. Такие сведения лучше, чем любая топографическая карта, дают представление о том, как люди, жившие здесь с древних времен, использовали землю и что они думали о ней. Наше участие в этих программах иногда ограничивается выделением средств, но бывает, что мы оказываем и техническое содействие, например ведем поиск сведений в архивах или осуществляем обучение в таких областях, как проведение и запись интервью.

Участие в подобной деятельности, выходящей за рамки обычной музейной работы, характерно для многих северных музеев, особенно тех, чьи посетители в основном состоят из представителей коренных народов. Такая деятельность способствует становлению и укреплению северных музеев, придавая им, возможно более чем что-либо другое, неповторимый колорит. ■

Государственный музей Аляски: связь с общественностью

Стив Хенриксон
(Steve Henrikson)

Само понятие музея и собрания предметов материальной культуры в основе своей чуждо полукочевой культуре коренных жителей Аляски. Каким образом музей, такой, как Государственный музей Аляски, может привлечь к себе местное население? В своей статье Стив Хенриксон рассказывает о том, как музей решает эту сложную проблему. Ключевой момент здесь — налаживание связей. Автор статьи специализируется на искусстве индейцев Северо-Западного побережья. На языке тлинкит его зовут Чеек (Маленький Муррелет).

Многим при слове «Аляска» воображение рисует картины нетронутого пустынного пространства и богатства живой природы: это земля, лишь недавно освободившаяся от ледникового покрова, через которую из Азии по существовавшему тогда перешейку первые переселенцы продвигались в Северную и Южную Америку. Аляска также известна благодаря культурам своих коренных народов и тому периоду, когда Российская империя, а затем Соединенные Штаты разрабатывали с пользой для себя ее богатые природные ресурсы. В июне 1900 года, спустя несколько лет после знаменитой клондайкской лихорадки, когда тысячи искателей счастья бросились на реку Юкон, конгресс Соединенных Штатов учредил музей, с тем чтобы сохранить разнообразную и захватывающую историю Аляски и ее культуры. Сегодня Государственный музей Аляски обладает большой коллекцией предметов материальной культуры и произведений искусства коренных народов Аляски, ее русских и американских жителей, насчитывающей более двадцати тысяч единиц хранения.

Государственный музей Аляски, как и другие северные музеи, сталкивается с большими трудностями при сборе и хранении предметов материальной культуры, а также при их использовании для ознакомления посетителей с жизнью и культурой Аляски. Суровая природа и климат, когда температура воздуха то и дело колеблется, достигая экстремальных значений, когда нередки стихийные бедствия, такие, как землетрясения и наводнения, затрудняют создание стабильных и безопасных условий для хранения хрупких музейных предметов. Огромные расстояния между населенными пунктами и изолированность от остальной части Северной Америки делают поездки, связанные с профессиональной подготовкой, исследованиями и консервацией, а также посещение музеев для знакомства с коллекциями заня-

тием нелегким и дорогостоящим. И все же наряду с трудностями у музейных работников есть здесь уникальные возможности, например для установления тесных связей с коренным населением Аляски.

Сегодня на Аляске проживает 86 тысяч представителей коренных народов, что составляет 15 процентов всего населения штата. В Государственном музее Аляски примерно половина коллекции состоит из предметов материальной культуры и произведений искусства коренных народов Аляски, начиная от доисторических фигурок из бивня мамонта и кончая современными плетеными изделиями. Для их показа отведена половина экспозиционного пространства музея. Коренные жители играют важную роль в составлении и проведении музейных программ: характер экспозиций, образовательных экскурсий, занятий с детьми и собирательская политика — все это определяется под руководством алеутов, алясских эскимосов, атапасков и коренных народов Северо-Западного побережья. Как живые представители культур, которым посвящены музейные коллекции и образовательные программы, коренные жители Аляски облечены огромным моральным авторитетом и оказывают воздействие на научные изыскания в данной области. Они являются частыми посетителями музея: родители рассказывают детям об истории и традициях своего народа, художники изучают традиционную технику и черпают вдохновение в подлинных предметах материальной культуры.

Коллекция включает предметы материальной культуры племен, проживающих на всей территории Аляски, но большая их часть принадлежит племенам юго-востока Аляски — тлинкитам, хайда и цимшианам. Эти племена веками населяли острова и побережье полуострова Аляска. Их собственная история уходит корнями в эпоху, предшествовавшую последнему ледниковому периоду.

Культуры Северо-Западного побережья отличаются одним из самых высоких уровней развития техники на континенте: богатство флоры и фауны привело к появлению сложных методов охоты и собирательства, включая использование хитроумных орудий и тщательно разработанной технологии сбора и хранения продуктов питания. С появлением на Аляске в конце XVIII века европейских и американских моряков началось коллекционирование памятников материальной культуры народов тлинкит и хайда, а сто лет спустя музеи естественной истории уже обладали крупными собраниями ритуальных и бытовых предметов. Коллекционеры зачастую рассматривали свою деятельность как способ сохранить культуру коренных народов Аляски, которая, по их мнению, приходила в упадок под давлением европейско-американской цивилизации.

Сегодня культуры коренных народов живут и здравствуют, несмотря на неблагоприятное воздействие новых факторов экономического, социального и религиозного характера; продолжают существовать многие традиционные виды деятельности. Однако сохранению традиционных знаний и умений мешает то, что на Аляске осталось недостаточно подлинных предметов материальной культуры. Среди населения бытует враждебное отношение к музеям, воспринимаемым как хранилища, доступные лишь немногим избранным, где под замком содержатся духовные и культовые сокровища народа. И тем не менее коренные жители Аляски являются частыми посетителями местных музеев, активно участвуют в их организации, входят в руководящие органы и оказывают значительное влияние на их деятельность и политику. Государственный музей Аляски поддерживает особенно тесные контакты с племенами тлинкит и хайда.

Фотография предоставлена автором

*Шляпа с гребнем
клана Киксади
из племени
тлинкит
(Ситка,
Аляска).*

Собирательская политика и шляпа Киксади с украшением в виде лягушки

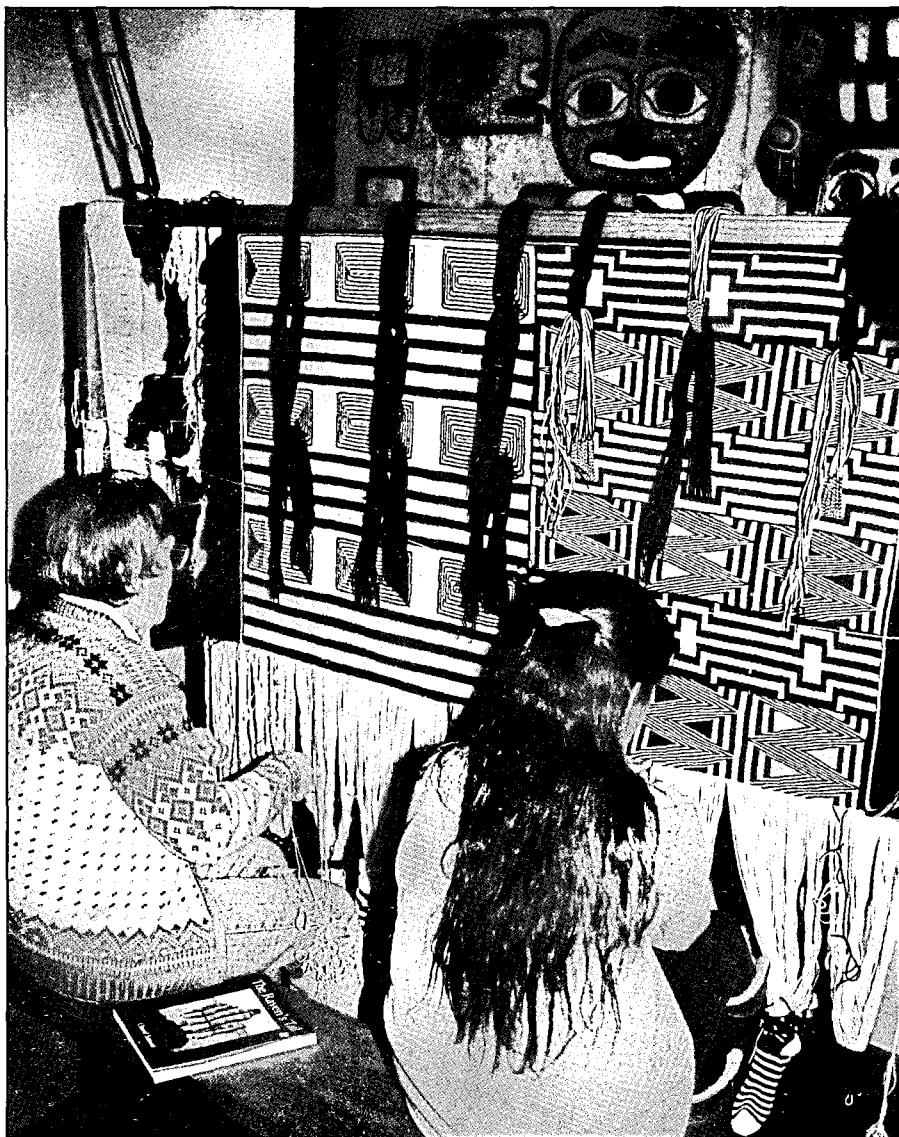
В 1990 году конгресс США принял закон об охране и репатриации захоронений коренных жителей Америки (NAGPRA), что явилось смелым актом, направленным против кощунственного собирания человеческих останков и предметов материальной культуры коренных жителей Америки. Музеи же закон поставил перед новыми проблемами — появился формальный механизм для реституции памятников материальной культуры, культовых и погребальных предметов коренных народов Америки, а также предметов из коллекций музеев, находящихся в общинном владении. Закон отражает озабоченность тем фактом, что в распоряжении музеев имеется много предметов, собранных в прошлом с нарушением этических норм и без позволения общин, и вносит изменения

в механизм сбора предметов материальной культуры коренных народов Америки. Закон также является откликом на растущее осознание того, что собирательская деятельность музеев усугубила трудности, с которыми сталкиваются коренные народы, делая невозможным для них проведение важных религиозных мероприятий и церемоний. Несмотря на то, что коренные народы Америки не имели полного представления о богатстве и уникальной красоте их традиционного искусства, регалий и материальной культуры, поскольку значительной частью их традиционного наследия владеют музеи и коллекционеры.

Одна из задач собирательской политики Государственного музея Аляски состоит в приобретении предметов культуры коренных народов Аляски, при этом особое внимание уделяется возврату памятников материальной культуры, когда-то вы-

В 1990–1991 годах в Государственном музее Аляски группой ткачей-добровольцев было выткано платье «хвост ворона». Такие платья индейцы тлинкит, хайда и цимшиан носили вплоть до начала XIX века.

Фотография предоставлена автором

везенных с полуострова, осуществляемому в тесном взаимодействии с группами представителей коренных народов. Ярким примером такого сотрудничества стало приобретение ценной шляпы клана Киксади (народа тлинкит) с украшением в виде лягушки из Ситки (Аляска). В 1981 году эта деревянная шляпа с вырезанным на гребне изображением лягушки – важным украшением, характерным для клана Киксади, – была удачно приобретена на аукционе Государственным музеем Аляски совместно с Центральным советом индейцев тлинкит и хайда Аляски и с Фондом наследия Силаски – двумя организациями коренных

народов, активно участвующими в сохранении традиционных культур народов тлинкит и хайда.

Считается, что шляпа с лягушкой (*Xixchi S'aaxw*) существовала на протяжении жизни по крайней мере десяти поколений и сама по себе является копией еще более древней шляпы, которая со временем пришла в совершенную негодность. Деревянный головной убор венчает пирамида из шести плетеных колец, означающих, что во время церемонии официального присвоения шляпе имени было убито шесть рабов. Подобные шляпы с теми или иными украшениями носят во время тради-

ционных церемоний (таких, как *potlach* – погребальный ритуал) наиболее уважаемые вожди клана. Считается, что шляпы принадлежат всему клану. В 1970-е годы эта шляпа была продана какому-то коллекционеру без разрешения общины, и, когда в 1981 году ее выставили на аукционе в Нью-Йорке, клан воспользовался случаем, чтобы потребовать возвращения своей собственности. Клан Киксади обратился за содействием к Государственному музею Аляски и организациям коренных народов. Было составлено соглашение с перечислением обязательств каждой стороны относительно приобретения и сохранения шляпы. Она

является совместной собственностью музея и организаций коренных народов; клану Киксади позволено продолжать использовать ее в ритуальных целях, а музей имеет право выставлять шляпу и несет ответственность за ее сохранность и безопасность.

Тотемные столбы, рыбацкая верша и платье «хвост ворона»

Юго-Восточная Аляска известна своими тотемными столбами, которые обычно устанавливали в деревнях племен тлинкит и хайда. Сегодня сохранение этих монументальных скульптур тяжелым бременем лежит на бюджетах музеев. В конце 1960-х годов Государственный музей Аляски совместно с Братством коренных народов Аляски (ANB) и Смитсоновским институтом провел обследование тотемных столбов и скульптур, не охраняемых музеями. Тогда был сделан вывод, что сорок четыре из них можно спасти, несмотря на то, что в течение по крайней мере восьмидесяти лет они подвергались воздействию атмосферных условий. Старейшины племен тлинкит и хайда собрались, чтобы решить, что делать дальше: позволить ли тотемным столбам по-прежнему разрушаться под воздействием атмосферных явлений или их нужно спасать и сохранять как предметы, являющиеся источником вдохновения для современных художников из коренных народов? В 1970-е годы столбы были с соблюдением всех мер предосторожности убраны с деревенских площадей и доставлены в Кетчикан, где они составили основу Центра тотемного наследия – учреждения, призванного продолжать традиции искусства народов Северо-Западного побережья.

Перевозка столбов была осуществлена после многочисленных исследований и консультаций со старейшинами. Во многих случаях невозможно было определить, кому пер-

воначально принадлежали те или иные столбы, поэтому от имени неизвестных кланов, когда-то установивших эти столбы, действовал вновь образованный Совет по искусству индейцев юго-востока Аляски (SAIAC). Совет, состоящий из старейшин, прекрасно знающих традиции, следил за перемещением и консервацией столбов на основе принципов, соответствующих культурам коренных народов.

В 1989 году рыбак из Джуно (Аляска) нашел на берегу залива Монтана иного рода предмет материальной культуры коренных народов – плетеную вершу для ловли рыбы. Верша, напоминающая большую ажурную корзину, длиной три метра была сделана из десятков деревянных планок, прикрепленных корнями хвойных деревьев к деревянным обручам. Она находилась под слоем мокрого ила и гальки в условиях, позволяющих дереву и корням сохраняться в течение столетий (радиоуглеродный анализ датировал вершу периодом между 1370 и 1410 годами). Верша была обнаружена на традиционной территории племени аук тлинкит, которое имело право лова рыбы в реке. Ауки страшно обрадовались этой находке, потому что она подтверждала «древность» их права на ловлю рыбы в заливе Монтана. Они надеялись использовать вершу в качестве свидетельства в будущих судебных процессах по защите своих прав.

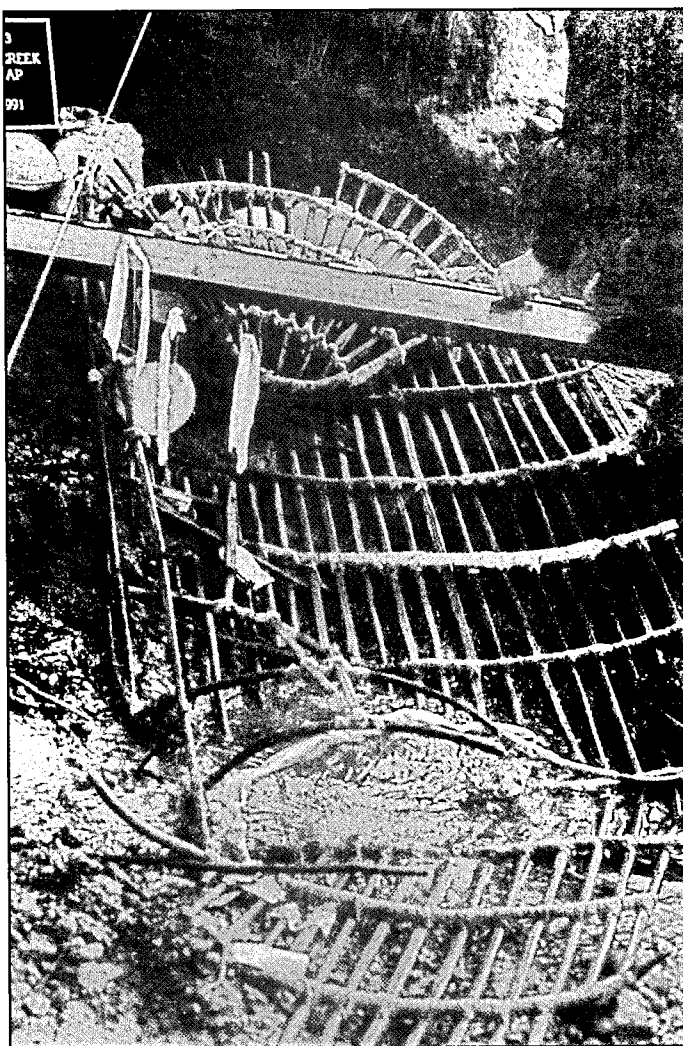
Обнаружение верши предоставило еще одну возможность объединить усилия музея и организаций коренных народов. Персонал музея взял на себя заботу по извлечению верши и ее сохранению, а для того чтобы раскопки были проведены на должном уровне, музей при содействии «Силаски корпорейшн» – компании, принадлежащей коренным народам, – пригласил специалистов-археологов. План раскопок был рассмотрен старейшинами и представителями племени аук, которые разрешили

продолжать работы, и хрупкая верша была наконец доставлена в музей, где в настоящее время проводят ее консервацию. По завершении этого процесса будет решен – при участии представителей племени аук – вопрос о ее экспонировании и изготовлении копии.

В дополнение к собиранию и сохранению предметов материальной культуры коренных народов на самой Аляске музей занимается сбором информации о наличии таких предметов в других учреждениях и коллекциях мира. Несколько веков коллекционирования привели к тому, что памятники материальной культуры коренных народов Аляски оказались рассеяны по всему свету и в любом случае недоступны для тех, кто создал их. Документы и фотографии этих предметов имеют крайне важное значение для исследователей Аляски, пытающихся реконструировать и понять традиционное искусство и материальную культуру региона.

Учитывая все эти обстоятельства, Государственный музей Аляски начал в 1981 году осуществление Европейского проекта инвентаризации, в задачу которого входит сбор информации о предметах материальной культуры коренных народов Аляски, находящихся в учреждениях и коллекциях Европы. Группа хранителей посетила Лондон, Санкт-Петербург, Хельсинки, Берлин, Гамбург и Бремен и возвратилась с тремя тысячами детальных фотографий и документов, дающих представление об огромном разнообразии типов и декоративных мотивов традиционных предметов, а также материалов и методов их изготовления. В настоящее время музей позволяет использовать эту информацию в исследовательских целях и намеревается расширить свое собрание фотографий, а также создать компьютерную базу данных, содержащую информацию и изображения, что облегчило бы научную работу.

Фотография предоставлена автором

Плетеная верша, найденная на территории племени аук тлинкит, на берегу залива Монтана. Она датируется периодом между 1370 и 1410 годами.

Музей должен не только сохранять предметы древней материальной культуры — одна из его первоочередных задач состоит в том, чтобы содействовать развитию современного искусства коренных народов Аляски. В 1990–1991 годах в Государственном музее Аляски группой ткачей-добровольцев было выткано платье «хвост ворона». Племена тлинкит, хайда и цимшиан использовали такие платья вплоть до начала XIX века. Для этих церемониальных одеяний характерен яркий геометрический узор на белом фоне. Сейчас известно о существовании в мире лишь одиннадцати подлинных платьев, и ни одного из них нет на Аляске. Недавно опубликованная книга об этих оригинальных одеждах привлекла внимание ткачей с Аляски, а Университет Аляски открыл курсы по традиционному ткачеству. На сегодня

наш день более 150 студентов освоили это ремесло и теперь ткут — и носят — платья «хвост ворона», впервые созданные на Аляске после 150-летнего перерыва.

В музее платье ткалось в экспозиционном зале, посвященном индейцам Северо-Западного побережья, — это была демонстрация посетителям техники традиционного ткачества. Работа заняла 1800 часов, и после ее окончания платье было подарено музею. По традиции платье получило собственное имя — «Руки через века» — в знак признания неразрывной связи современных ткачей с их далекими предшественниками. Как ткачи, так и старейшины общин, с которыми они советовались, пожелали, чтобы индейские танцоры и ораторы имели возможность пользоваться этим платьем во время торжественных церемоний при условии строгого соблюдения правил хранения и обеспечения безопасности. С тех пор платье использовалось в многочисленных церемониях и действиях, и документы, относящиеся к каждому такому случаю, хранятся в музее.

Взаимоотношения музеев Аляски и ее коренных жителей имеют огромное значение. Их сотрудничество — важный фактор достижения каждой стороной своих целей и решения своих проблем. История коллекционирования принесла музеям плохую репутацию, и завоевать доверие и расположение коренных народов по-прежнему нелегко. Есть надежда, что если в результате такого сотрудничества удастся сохранить важную историческую информацию и предметы культуры, хорошие отношения восстановятся. Поскольку традиции коренных жителей Аляски передаются в устной и материальной форме из поколения в поколение, доступ к предметам материальной культуры имеет решающее значение для выживания культуры. В конечном счете у музеев и коренных народов Аляски одна цель — сохранение прошлого для будущих поколений. ■

Россия: малые музеи народов Севера

Михаил Данилов

Автор данной статьи, этнограф по специальности, является старшим научным сотрудником отдела народов Сибири и Дальнего Востока Российского этнографического музея (до 1992 года он назывался Государственным музеем этнографии народов СССР) в Санкт-Петербурге. Музей обладает коллекциями практически всех народов бывшего Советского Союза. Его сотрудники ведут большую научно-исследовательскую работу и полевые исследования. Они регулярно выезжают в экспедиции (в том числе в северные районы) для сбора материала на местах, а также оказывают местным музеям помощь в их работе.

На севере Российской Федерации, где живут чукчи, коряки, юкагиры, эвены, долганы и другие аборигенные народы, имеется целый ряд краеведческих музеев, в собрания которых входят коллекции предметов, представляющих быт и культуру коренного населения. Наряду с ними скромную, но достаточно важную работу ведут малые музеи. Нередко они находятся в небольших поселках, зачастую расположенных в отдаленных и труднодоступных местах. Сам факт существования такого объекта культуры накладывает соответствующий отпечаток на взаимоотношения внутри данной группы населения и между разными этническими группами.

В большей или меньшей степени коренные северные народы ведут традиционный образ жизни (хотя ощутимо влияние урбанистическо-индустриальной культуры, особенно в крупных поселках). Это делает возможным комплектование этнографических коллекций. Использование при изготовлении предметов традиционных приемов позволяет реконструировать определенные черты культуры довольно отдаленного прошлого. Однако многие предметы быта вышли или выходят из употребления, а вместе с ними постепенно уходит нечто, составляющее часть самобытности. Стремление музеев сберечь если не саму традицию, то по крайней мере знания о ней вызывает у коренных жителей понимание и поддержку. В рамках короткой статьи невозможно рассказать обо всех музеях народов Российского Севера, поэтому я остановлюсь на трех из них.

Музей в поселке Ловозеро

В центре Кольского полуострова находится поселок Ловозеро. Здесь живут саамы (лопари) — аборигенное население, русские (составляющие большинство), а также коми из группы ижемцев и ненцы (самоеды). Ко-

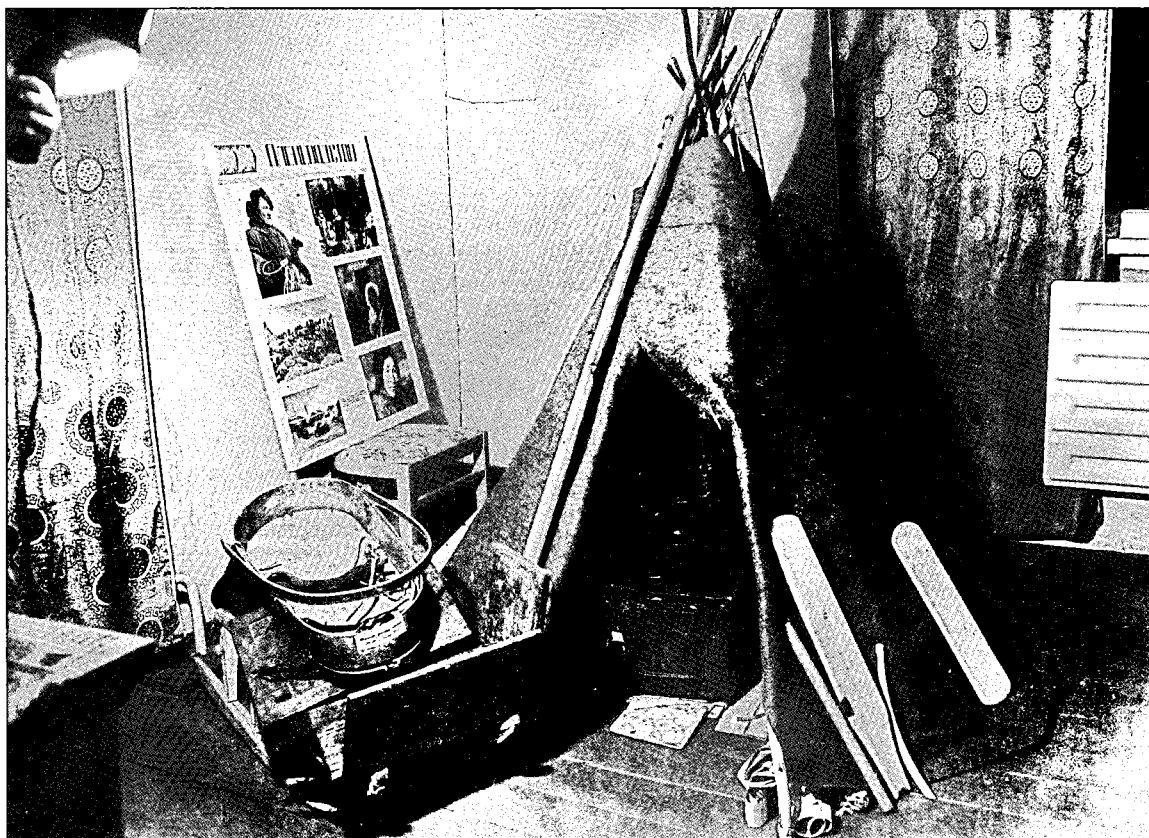
ми и ненцы появились на полуострове сравнительно недавно, в XIX веке. Хотя саамам было знакомо ведение оленеводческого хозяйства, их система выпаса и ухода за оленями, а также образ жизни были не такими, как у мигрантов из-за Белого моря. Коми и ненцы принесли на эту территорию крупнотабунное оленеводство, с которым связано ведение кочевого образа жизни, чум (кочевое сборно-разборное каркасное жилище) и т. д.

В 1969 году учитель местной школы-интерната, саам по национальности, создал уголок краеведения. Позднее на основе этого школьного уголка был организован Музей культуры и быта малых народностей Севера, являющийся отделом Мурманского краеведческого музея и имеющий в своем собрании более тысячи предметов.

Экспозиция музея занимает два зала и состоит из нескольких разделов. В первом зале, меньшем по площади, выставлены, в частности, современные костюмы типа костюмов фольклорных ансамблей и учебники саамского языка. Стенды, шкафы и витрины делят второй зал на две части, но так, что возможен круговой осмотр. О древнем периоде рассказывают как фотографии археологических памятников и макет загадочной каменной спирали-лабиринта, так и подлинные экспонаты, включая наскальные изображения — петроглифы. Экспонируются предметы быта и одежда конца XIX — начала XX века. Диарама воспроизводит внешний вид стационарного саамского жилища и дает представление о его интерьере. Ряд экспонатов, в том числе костюмы, характеризуют особенности культуры коми-ижемцев.

Напротив входа в экспозиционный зал на подиуме стоит оленья упряжка — средство передвижения, которое было широко распространено в начале века и дошло до наших дней.

Фотография предоставлена автором

Часть экспозиции Туровского районного краеведческого музея, поселок Тарко-Сале Тюменской области. Представлены: модель нарт (санок), колыбель, модель жилища (чума), снеговывивалка, приспособления для выделки шкур. 1970-е годы.

Нарты имеют характерные косо поставленные копылья-опоры. Такие нарты используются коренным населением на большой территории Российского Севера вплоть до берегов Енисея на востоке; в них запрягают от двух до пяти оленей. Комижемцы переняли нарты данной конструкции у ненцев вместе с навыками оленеводства, приемами ухода за животными, меховой одеждой. Ненцы в свою очередь стали изготавливать и надевать поверх шитой мехом внутрь одежды чехол из прочной ткани; в праздничном варианте он может быть шит из материи яркой расцветки. Постепенно олений транспорт и некоторые другие элементы были восприняты и аборигенным населением – саамами. Поэтому можно сказать, что данный раздел экспозиции показывает определенную часть бытовой культуры каждого из этих трех народов.

Музей культуры и быта малых народностей Севера в Ловозере, как и многие подобные музеи, дает представление о происшедших за столетие весьма значительных изменениях. Тем существеннее роль таких музеев, где собраны памятники, раскрывающие традиции и их изме-

нение в условиях подчас очень интенсивных инновационных процессов, оказывающих определенное воздействие на традиционно-бытовую культуру. Кроме того, они как бы задают направление развития. В музее в Ловозере есть раздел, посвященный традиционным промыслам. Среди экспонатов довольно большое место занимают подарки (прежде всего от саамов, живущих в Финляндии, Норвегии и Швеции) – они оказывают влияние на особенности художественного стиля изделий местных жителей, саамов.

В данном случае музей занимается не только поддержанием традиционной культуры и обратной трансляцией ценных элементов ее в среду бытования, но и поддержанием динамики в развитии этой культуры. Людям старшего поколения он дает надежду на возможность возрождения, а молодежи позволяет приобщиться к традициям своего народа и осознать заложенные в них ценности. С другой стороны, наличие такого центра, раскрывающего с помощью подлинных предметов исторические корни самобытности веками складывавшегося в данных географических условиях образа жиз-

ни, заставляет остальную часть населения внимательнее и тактичнее относиться к местным традициям как саамов, так и коми-ижемцев и ненцев.

Музей в селе Мужи

Краеведческий музей Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа находится в селе Мужи, расположенном на левом берегу реки Горная Обь. Под экспозицию отведено небольшое по площади помещение. Экспонаты характеризуют различные стороны быта коренного населения, то есть хантов (остяков) и ненцев (юраков), а также коми из группы зырян. Давние соседские связи, общение и взаимовлияние привели к тому, что очень многие употреблявшиеся предметы и вещи, особенно относившиеся к оленеводству, рыболовству и охоте, были идентичны. Экспонаты, раскрывающие разные темы, размещены по разделам. Рядом с наиболее эффектным предметом группируются остальные. В некоторых случаях проявляется стихийный эволюционизм. Так, светильники показываются целой серией – начиная от старинных самодельных, через покупные промышленного изготовления первой половины XX столетия до современных. Простота и своеобразная эстетика и колорит таких экспозиций создают аромат естественности и до некоторой степени уникальности и неповторимости.

Музей в поселке Оленёк

В 1979 году по непонятным причинам был закрыт школьный музей в поселке Оленёк, расположенном на левом берегу одноименной реки. Здесь из более чем четырех тысяч жителей свыше половины являются представителями аборигенных этнических групп – эвенков (тунгусов) и якутов. Жителей иных национальностей (их около двадцати) насчи-

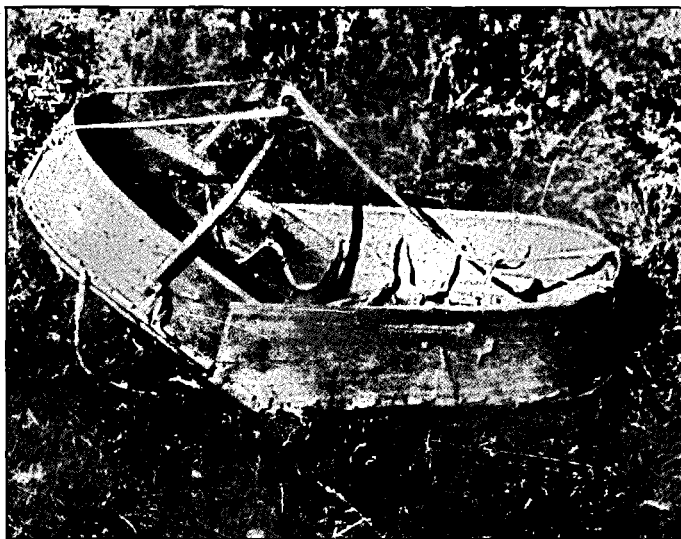
Фото: Т. Ю. Сев

тывается примерно две тысячи человек. Ликвидация музея вызвала недовольство в среде коренных этнических групп, ведь музей может играть важную роль как специфическое средство этнического самоутверждения. В 1988 году в поселке был открыт Историко-этнографический музей народов Крайнего Севера, ставший филиалом Якутского объединенного музея. Это событие было воспринято с энтузиазмом.

Музей занимает одноэтажное здание квартирного типа с восемью комнатами. В нем находится свыше пяти-сот экспонатов и пятисот фотографий и документов. Экспозиция состоит из вводной части и нескольких больших разделов. Вводная часть включает информацию о жителях, оказавших содействие в формировании коллекции музея и передавших ему вещи в дар. Раздел археологии и палеоэтнографии рассказывает об истории изучения этой территории. Некоторые из экспонатов имеют не

Медвежьи лапы – обереги от злых духов. Используются охотниками, а также как детский оберег. Эвенки (тунгусы). Экспонат Оленёкского музея. 1988 год.

Фото: Т. Ю. Сев

Детская колыбель «бивик». Представляет собой две изогнутые дугой бортовые доски, прикрепленные к овалному дну шкурами. Эвенки (тунгусы). Экспонат Оленёкского музея. 1988 год.

много аналогов в исследовательских центрах Сибири.

Все залы оформлены по единому плану. По верху проходит фотофриз и рисунки в соответствии с тематикой. Традиционный годовой хозяйственный календарь легко читается по круговому рисунку в центре одного из залов. Оживляет экспозицию панно, на котором изображена характерная картина: по лесотундре идет *аргши* (караван) охотников, едущих верхом на оленях. Экспонаты рассказывают о том, что охота на диких оленей и лосей имела в конце XIX века первостепенное значение в жизни местного аборигенного населения и что в традиционном рационе преобладала мясо-рыбная диета. Особое внимание уделяется теме детского воспитания.

Характерно разделение на мужские и женские занятия. К первым относится обработка дерева, кости, металла и витье веревок; ко вторым — обработка шкур и шитье одежды.

Местное оленеводство, в первую очередь эвенков, имело транспортное значение. В экспозиции представлены верховые и грузовые седла, переметные сумы, упряжь на верхового и вьючного оленя.

Особого внимания заслуживает раздел экспозиции, посвященный религиозным верованиям. Хотя в конце XIX — начале XX века население бассейна реки Оленёк официально яв-

лялось крещеным, большое место занимали промысловый культ, семейная обрядность, шаманизм. Экспонаты музея по данным темам уникальны и часто не имеют аналогов в других музеях Восточной Сибири и других регионов.

Один из разделов экспозиции рассказывает о строительстве поселка Оленёк, а также об экономической, хозяйственной и культурной жизни района в 1930–1950 годы.

Характерной особенностью, и не только для территории Сибири, является возникновение музеев из интереса к своему краю. Как и многие другие, Шурышкарский и Оленёкский музеи появились в значительной степени благодаря такому интересу. Первый обязан своим существованием деятельности краеведа, который начал сбор вещей для предполагаемой экспозиции. Второй — школьному музею, а также местному энтузиасту, ставшему затем директором Историко-этнографического музея народов Крайнего Севера.

Вместо заключения

Существуют ли у таких музеев какие-нибудь проблемы? Как представляется, существуют. В первую очередь это касается экспозиции, которая оказывается экспозицией одностороннего пользования. Она посещается, как правило, один раз, причем становится объектом внимания для студентов и других учащихся. Но возможно ли более полное использование экспозиции? Вероятно, возможно. Проблема заключается в создании такой экспозиции, которая, с одной стороны, характеризовала бы культуру в целостности в современном понимании, а с другой — обеспечивала бы возможность ее неоднократного использования в работе с одним и тем же посетителем (с одной и той же группой посетителей). Есть ли такой вариант экспозиции? ■

Резная скульптура: Эскимосский музей

Лоррейн Брендсон
(Lorraine Brandson)

Католические миссионеры, работавшие в центральных и восточных арктических районах Канады, в числе первых стали организовывать музеи искусства иннуитов. Лоррейн Брендсон, хранитель Эскимосского музея в городе Черчилл, расположенном на побережье Гудзонова залива, представляет в своей статье этот музей и некоторые предметы материальной культуры иннуитов из его собрания. Работа автора под названием Carved from the Land: The Eskimo Museum будет опубликована в этом году.

Морское течение подхватило меня
И понесло, словно маленькое растение,
На своих бегущих волнах.
Земля и ураган
Движут меня,
Бушуют во мне,
Уносят меня,
И я дрожу от радости.

(Увавнук, Иглулик, Канада)

В 1912 году в Честерфилд-Инлет, на западном берегу Гудзонова залива, была основана первая католическая миссия в центральных и восточных арктических районах Канады. Брат Арсен Тюркетиль, возглавлявший эту миссию, восхищался культурой иннуитов. Глубокое впечатление на него произвели разнообразные навыки, демонстрируемые иннуитами в борьбе за выживание в суровой стране, которую чужаки считали такой негостеприимной. Брат Тюркетиль пожелал поделиться своими открытиями с другими людьми и уже в 1919 году подарил несколько предметов материальной культуры иннуитов Музею этнографии в Невшателе (Швейцария).

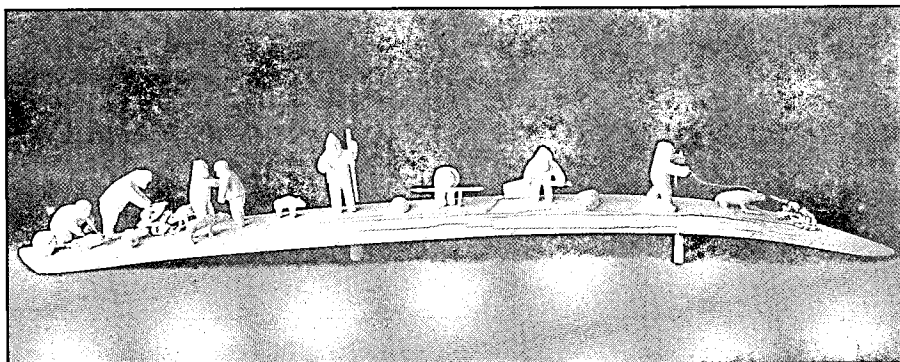
Спустя 25 лет, в 1944 году, в наместничестве Гудзонова залива (с 1967 года это — епархия Черчилл на побережье Гудзонова залива) был открыт небольшой музей. Место для него нашлось в гостинице резиденции епископа Черчилльского. Сам епископ Марк Лакруа и его коллеги-миссионеры придерживались мнения,

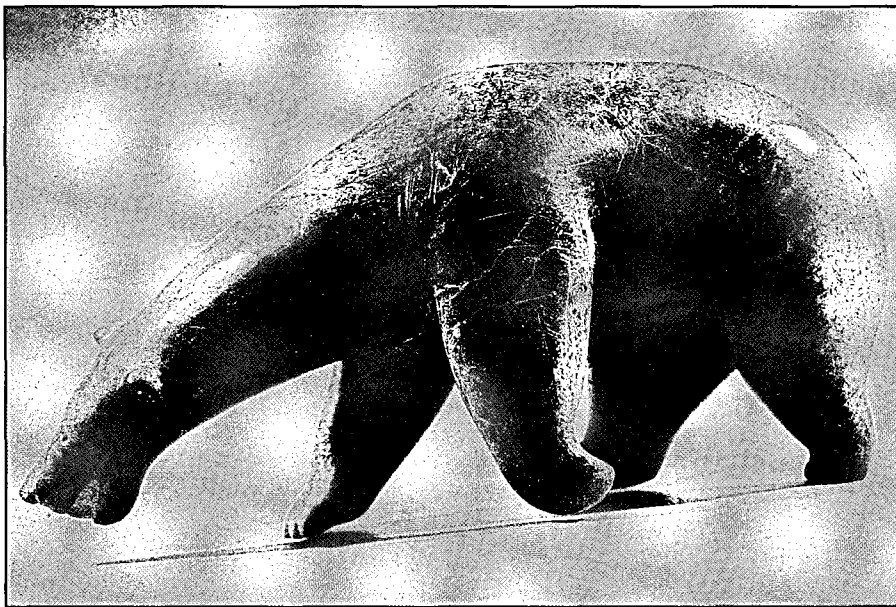
что музей резной скульптуры, сделанной руками самих иннуитов и отражающей их культуру, мог бы стать важным инструментом, способствующим лучшему пониманию особенностей этой культуры и представлений иннуитов.

Период после посещения молодым канадским художником Джеймсом Хьюстоном Порт-Харрисона и Повунгнитука на восточном побережье Гудзонова залива считается временем открытия искусства иннуитов. Тем не менее прошло почти 25 лет, прежде чем художественные галереи и музеи Южной Канады начали более активно выставлять и популяризировать это искусство.

В течение многих лет католические миссионеры способствовали развитию и пропаганде искусства резьбы по кости. В 1940-е годы брат Франц ван де Вельде оказывал помощь населению Пелли-Бей, содействуя созданию прекрасных маленьких фигурок, которыми этот поселок славится и по сей день. Другие миссионеры организовывали в местных населенных пунктах кооперативы, игравшие важную роль в пропаганде и оптовой продаже предметов искусства и ремесленных изделий народов Севера. С 1948 года хранителем небольшого музея на Гудзоновом заливе также являлся миссионер-католик брат Жак Волан, имевший 23-летний опыт работы в северных миссиях. С самого начала он проявил боль-

Охота на тюленя через отдушины во льду. Антонин Аттарк (1909–1960). Пелли-Бей, Северо-Западные территории, около 1949 года. Моржовый клык, 7,2 сантиметра.

Шагающий медведь. Джон Каунак, родился в 1941 году. Репалс-Бей, Северо-Западные территории, около 1962 года. Камень, 10,1 сантиметра.

шой интерес к музею и в течение 38 лет отдавал ему все свои силы.

На момент основания музея он располагал рядом резных пластин из моржового клыка с изображением сцен повседневной жизни, некоторыми орудиями труда и образцами местной флоры и фауны. С годами коллекция медленно, но неуклонно росла, пополняясь главным образом за счет иннуитской резной скульптуры из камня, кости и моржового клыка. Большая их часть была приобретена миссионерами непосредственно у художников или через местные кооперативы. Часть предметов была подарена миссионерам, которые в свою очередь передали их в дар музею. Некоторые предметы были безвозмездно переданы музею его друзьями. Брат Волан собрал то, что позднее стало музейной коллекцией. Сегодня в постоянной экспозиции музея находится свыше восьмисот предметов.

Эскимосский музей, занимающий

большую часть многоцелевого спархального комплекса, сооруженного в 1962 году, открыт круглый год. Ежегодно он принимает более девяти тысяч посетителей, в том числе зарубежных туристов, бизнесменов, амбулаторных больных из лечебницы для иннуитов, а также местных жителей. В начале восьмидесятых годов в епархии был организован небольшой фотоархив, вызывающий растущий интерес у жителей Севера.

Музей проводит дальновидную политику в области собирательской деятельности. Он ставит перед собой скромную цель — не соперничать с более крупными музеями, выполняющими сходные функции в отношении наследия, а дополнять их. В основном коллекция пополняется за счет поступлений из центральных и восточных районов Канадской Арктики, включая Северный Квебек. Наиболее интересную часть экспозиции составляет современная скульптура, относящаяся к периоду с 1930

года и до настоящего времени. Разнообразие и размах постоянной экспозиции поражает посетителей, привыкших к временным тематическим выставкам, обычно организуемым в художественных галереях южных районов. В целом коллекция дает представление об истории Севера — как бы увиденной иннуитами и запечатленной в их искусстве. Число этикеток, записанных не со слов самого автора, сведено к минимуму, что позволяет избежать излишних толкований предмета, данных посторонними. Коллекция демонстрирует стилистическое разнообразие искусства иннуитов и индивидуальные манеры мастеров — от передачи натуралистических деталей до более абстрактных и символических изображений.

Каждая скульптура выявляет какой-то определенный аспект жизни иннуитов, показывая, например, изобретательность и терпение охотника, его страх перед злыми духами, которые могут спугнуть зверя, сцены танца под барабан.

Неудивительно, что многие скульптурные изображения рассказывают о борьбе за выживание и о постоянных поисках пищи. С помощью охоты иннуит поддерживает связь с «землей», а ее коллективный характер, распределение и потребление добычи укрепляют общину и поддерживают родовые узы.

Это особенно ярко проявляется в одной скульптуре, изображающей зимнюю охоту на тюленя. Когда море замерзает, тюлени проделывают во льду отверстия, через которые дышат. Там-то и поджидают их охотники. В скульптуре показаны разные этапы охоты: одни охотники стоят на льду вокруг отдушин, ожидая появления тюленей, другие ловят тюленя, третьи вытягивают его на лед. Фигурки, представленные сами по себе, связаны тем не менее единым композиционным замыслом. В музее находит отражение и другой

аспект охоты на тюленя: на одном стенде рядом с тюленьей шкурой и некоторыми современными изделиями из нее помещен плакат, рассказывающий о влиянии на жизнь иннуитов активистов-экологов, выступающих против охоты на тюленей.

Другая группа скульптур посвящена сюжетам из иннуитской мифологии. Три скульптуры воспроизводят историю Нульяджук, одного из главных мифологических персонажей. История эта такова: за молодой девушкой стала ухаживать морская птица, и, чтобы избавиться от ее ухаживаний, девушка попросила своего отца и братьев переправить ее на лодке на ближайший остров. Вскоре разыгрался шторм. Пытаясь спасти лодку, мужчины сбросили девушку в море. Когда она ухватилась за край лодки, чтобы забраться в нее, ей обрубили пальцы, и она утонула. Тогда пальцы девушки превратились в животных и опустились на дно моря, чтобы жить рядом с ней. В морской глубине девушка, превратившаяся в дух Нульяджук, стала царицей животных. Иннуиты наделили Нульяджук огромной властью; малейшее нарушение многочисленных табу могло вызвать ее гнев. Она наказывает иннуитов, распугивая зверей, на которых они охотятся, и тем самым обрекая их на голод и даже смерть.

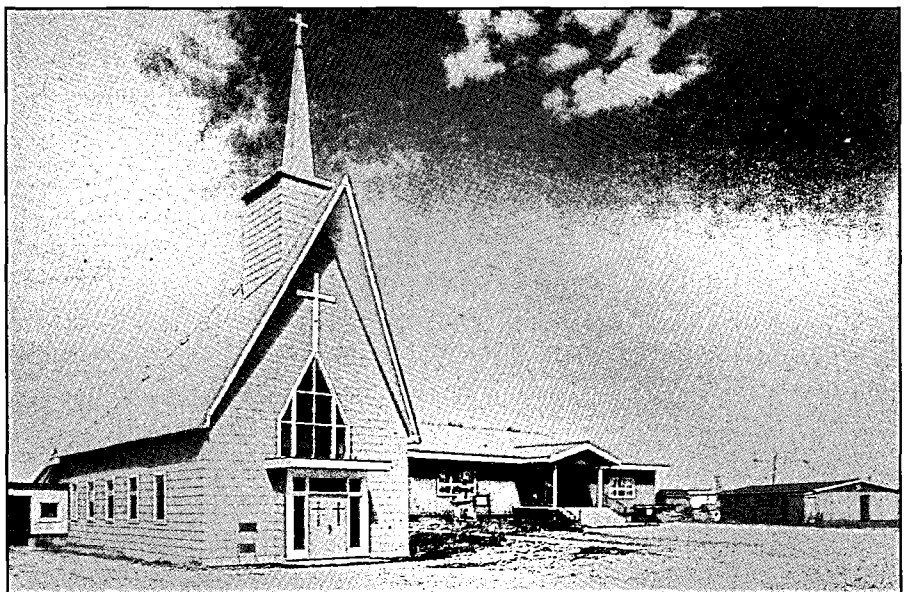
Зывание к духам, общение с помощью песен и танцев — очень важные элементы в жизни иннуитов. Эти темы часто встречаются в скульптурных изображениях. Песни могут быть магическими заклинаниями или рассказывать о повседневной жизни — о радостях удачной охоты, о разочарованиях, вызванных неудачами, о трудных странствиях, о красоте и величии родной земли.

Эти песни и танцы, а также их воплощение в скульптуре помогают понять мировоззрение иннуитов. Так, одна из скульптур работы Ан-

тонина Аттарка представляет сцену танцев под барабан. Певца, держащего в руках большой барабан, окружает группа мужчин. Раскачиваясь из стороны в сторону под звуки барабана, певец исполняет свою песню. Может быть, он потешается над собой, рассказывая, что не может обеспечить семью пищей; может быть, это жена поет песню своего мужа, а может быть, это охотник повествует о своих приключениях, и чем храбрее и удачливее охотник, тем скромнее его рассказ. В скульптуре Антонина певец изображен слегка наклонившимся в сторону, как бы застывшим в движении. Фигура певца белая, а окружающие его люди — по контрасту — черные, и в то же время их фигуры слегка наклонены к певцу, все лица обращены к нему, что создает между ними сильные пространственные связи. Фигуры не соприкасаются друг с другом, однако создается впечатление, что они тесно связаны между собой.

Эскимосский музей — это наследие, собранное Черчиллской епархией. Он свидетельствует о преданности миссионеров-католиков делу сохранения культуры иннуитов. ■

Церковь Святого канадского мученика и Эскимосский музей. Черчилл, Манитоба.

Выставки, посвященные искусству Арктики

Arts from the Arctic («Искусство Арктики») — это уникальная серия выставок, проводившихся при участии Международного фонда содействия культуре (ЮНЕСКО) в мае — июне 1993 года в странах Севера, с тем чтобы познакомить общественность с современными художниками и ремесленниками из арктических районов Скандинавии, Аляски, Гренландии, Канады и России. Художники Севера впервые получили возможность участвовать в совместной выставке своих работ, и таким образом был перекинут своеобразный мост между культурами коренных народов. Выставки, организованные при финансовой поддержке Международного фонда содействия культуре, правительств стран (в частности, правительства Норвегии), региональных и местных организаций и частных спонсоров, должны были демонстрироваться в Лиллехаммере (Норвегия) во время зимних Олимпийских игр 1994 года, затем переходить в Викторию (Британская Колумбия, Канада) на время проведения Игр Содружества 1994 года, а после этого экспонироваться в крупных музеях ряда северных стран.

Выставка *Northern Spirits* («Духи Севера»), проводившаяся в Крайслерском музее (Норфолк, штат Виргиния, США) с апреля по июнь 1993 года, была посвящена образу жизни и культуре канадских иннуитов. Скульптуры были предоставлены Национальным музеем естествознания Смитсоновского института. ■

Карта работы Ханса Рагнара Матизена из каталога выставки Искусство Арктики.

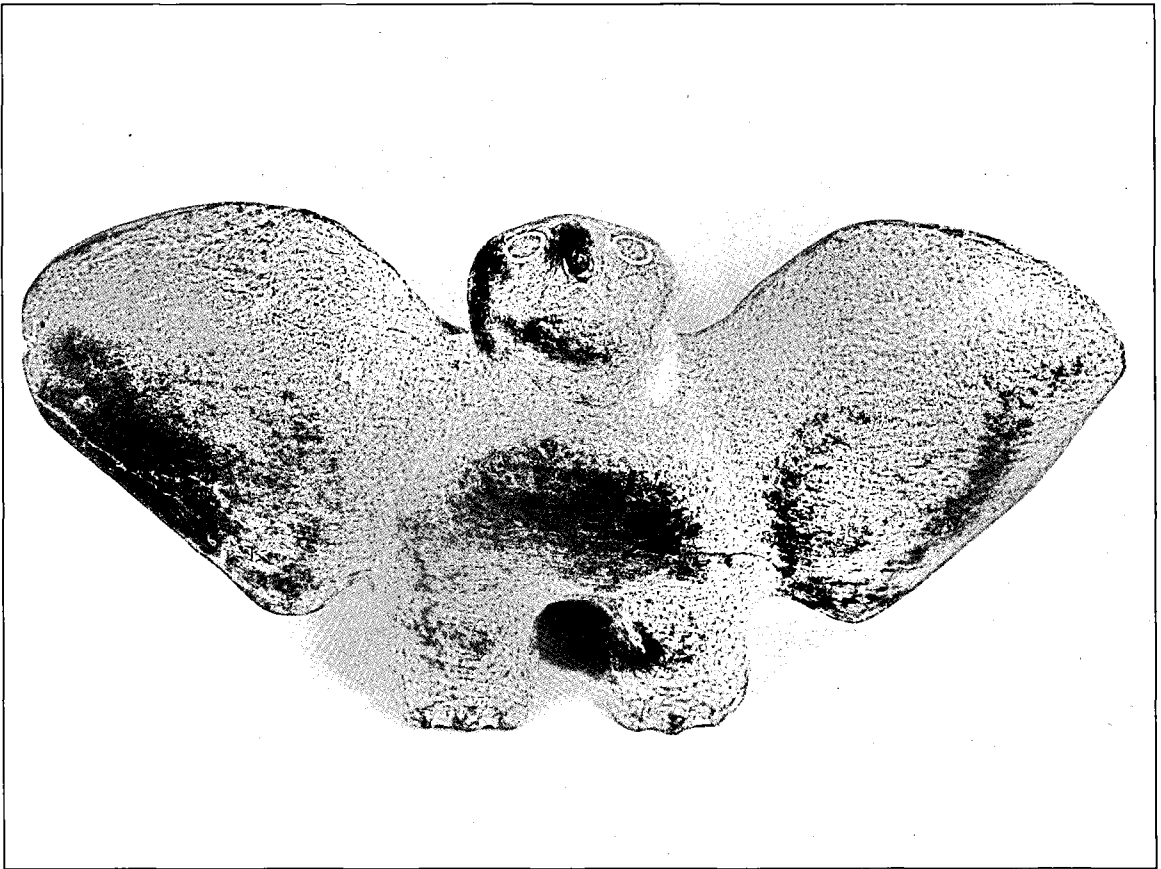

Hans Ragnar Mathisen, Kevisele, Tromsø, Norway

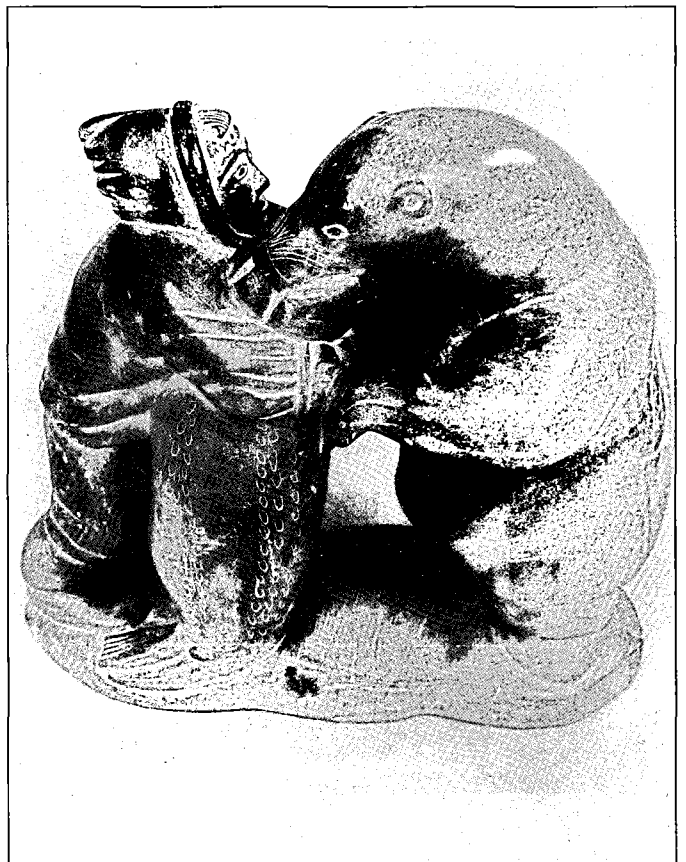

Уррик («Снежная сова»). Работа неизвестного художника, вероятно, с острова Баффинова Земля. До 1960 года. Из коллекции Национального музея естествознания Смитсоновского института.

Она несёт своего умирающего сына. Автор – Мунами. Кейп-Дорсет, 1956 год. Из коллекции Национального музея естествознания Смитсоновского института.

Охотник и медведь дерутся за тюленя. Автор – Давидиалук Аласуа Амитту. Повунгнитук, 1959 год. Из коллекции Национального музея естествознания Смитсоновского института.

Центр наследия народов Севера принца Уэльского: больше чем музей

Борис Атаманенко, Барб Камерон, Ян Муар
(Boris Atamanenko, Barb Cameron, Ian Moir)

Канадский Центр наследия народов Севера принца Уэльского находится в постоянных поисках, стараясь приблизиться к людям, живущим в нескольких часовых поясах. Его сотрудники стремятся наполнить понятие «музейное обслуживание» новым содержанием, отвечающим потребностям публики. Все авторы данной статьи – Борис Атаманенко, Барб Камерон и Ян Муар – работают в Центре наследия народов Севера в качестве соответственно консультанта, хранителя отдела просветительной и внемузейной работы и старшего архивариуса.

Открытие в апреле 1979 года Центра наследия народов Севера принца Уэльского стало крупным шагом вперед в реализации программ по сохранению культурного наследия, проводимых правительством Северо-Западных территорий. Расположенный в Йеллоунайфе, столице Северо-Западных территорий Канады, центр отличается от типичного европейско-американского музея. Выполняя традиционные функции музея, такие, как собирание предметов материальной культуры, их интерпретация и показ, важные для лучшего понимания системы ценностей и особенностей образа жизни разных народов Севера, Центр наследия осуществляет целый ряд других программ, связанных с сохранением на-

Решение создать «центр наследия» как противовес обычному музею было обусловлено природными и демографическими условиями, характерными для Северо-Западных территорий. Эта крупнейшая административно-территориальная единица Канады занимает площадь в 3,4 миллиона квадратных километров и охватывает три часовых пояса. Однако плотность населения в Северо-Западных территориях наименьшая в стране. Там проживает шестьдесят тысяч человек, относящихся к трем крупным культурным группам и говорящих на девяти официально признанных языках. Традиционные методы музейной работы оказываются неудовлетворительными, а порой и совершенно неподходящими применительно к условиям изоляции, испытываемой этими культурными группами, и не могут дать адекватный ответ на их специфические и крайне разнообразные запросы.

С подобными трудностями сталкиваются и три традиционных музейных отдела Центра наследия. Помимо своих обычных задач, включающих собирательскую, хранительскую и экспозиционную работу, эти отделы осуществляют широкие об-

разовательные программы для местных жителей, дают консультации технического и профессионального характера различным общественным организациям, а также организуют многочисленные передвижные выставки и проводят обмен выставками.

Однако Центр наследия соответствует своему названию благодаря целому ряду дополнительных программ, призванных удовлетворять потребности самых разных групп населения Северо-Западных территорий, большинство которых проживает на огромных расстояниях друг от друга. Центр наследия отвечает за реализацию разработанной правительством программы по археологии, уникальной программы по образованию, программы по топонимике, а также консультационной программы по культурному наследию. Кроме того, в ведении центра находится Архив Северо-Западных территорий.

Таким образом, понятия «музей» и «наследие» здесь существенно расширены: одной общине может потребоваться квалифицированное руководство в области археологии, другой – помощь в восстановлении традиционных географических названий, третья нуждается в совете по вопросу земельных притязаний. Только широкий и гибкий подход к толкованию термина «служба наследия» позволяет центру работать эффективно.

Работая в данном регионе, мы сталкиваемся с некоторыми специфическими проблемами, требующими решения. Например, как наладить «службу наследия» на такой огромной территории? Как приблизиться к людям? Каким образом мы, централизованное учреждение с ограниченными ресурсами и штатом, можем дать почувствовать жителям каждого населенного пункта, что мы идем навстречу их потребностям, а не навязываем им ответы на вопросы, которые они и не думали задавать?

Одно решение лежит на поверхности – это общение, и между Центром наследия и населением поддерживаются постоянные контакты. Чтобы наладить эффективную консультационную службу, в первую очередь необходимо прислушиваться к пожеланиям «групп наследия», действующих в населенных пунктах. Наши сотрудники, занятые в пяти основных программах – по археологии, образованию, топонимике, консультационной и архивной, – регулярно проводят консультации для жителей Северо-Западных территорий.

Программы

Программа по археологии призвана содействовать сохранению, изучению и интерпретации археологических мест, имеющих важное значение и как хранилища информации, и как символы традиционных культурных ценностей. Здесь работа ведется по трем направлениям: регулирование землепользования, археологические исследования и учебные программы. В настоящее время в Западной Арктике осуществляется экспериментальный проект – учебная программа по культурному наследию, целью которой является обеспечение местного населения информацией и обучение его навыкам, необходимым для реализации проектов, связанных с сохранением наследия. Однако эта программа, разработанная в тесном сотрудничестве с организациями и отдельными представителями общин, рассматривается не как односторонний процесс: участвующие в ней организации, практиканты и старейшины общин трудятся вместе с сотрудниками Центра наследия, обогащая современную археологическую практику своими знаниями о традиционном образе жизни и землепользовании коренных народов.

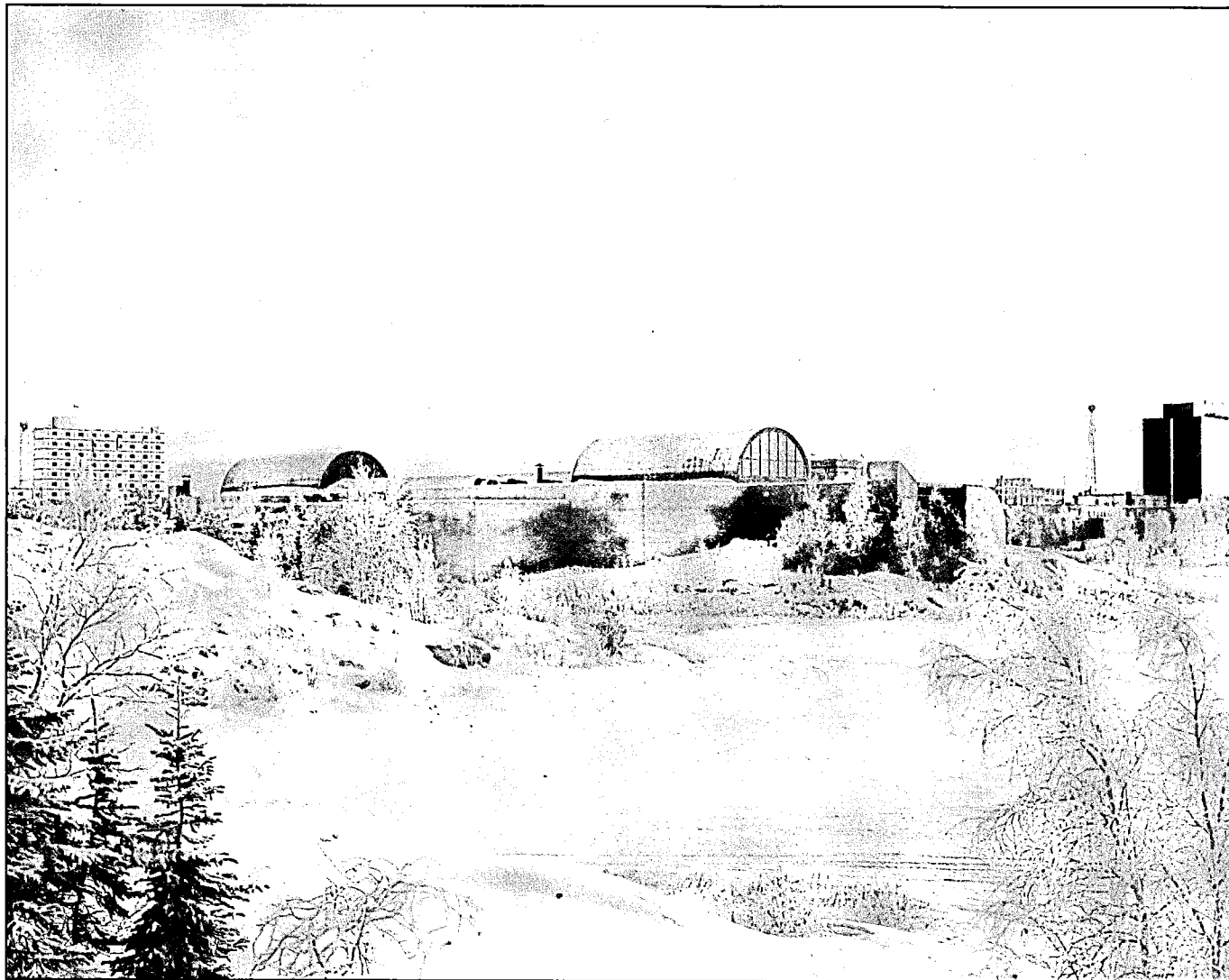
Главной задачей программы по образованию является содействие лучшему пониманию и признанию раз-

нообразных культурных и природных особенностей Северо-Западных территорий.

Йеллоунайф – крупнейший населенный пункт Северо-Западных территорий, поэтому Центр наследия принимает большое число посетителей – студентов, местных жителей, туристов. В центре осуществляется множество образовательных программ, отвечающих их интересам. Чтобы обслуживать жителей отдаленных населенных пунктов, просветительный отдел разрабатывает и предлагает образовательные программы для школ, координирует и организует передвижные выставки, оказывает консультационные услуги работникам просвещения. У центра есть рабочая коллекция, насчитывающая более 1300 предметов, которую предоставляют во временное пользование школьным кружкам или местным «группам наследия». Каждый год сотрудники центра выезжают в заранее намеченный населенный пункт, осуществляют там образовательные программы, связанные с наследием, и оставляют там на какое-то время наборы учебных комплектов и материалов. Если учесть, что в отделе имеется лишь один штатный сотрудник, а Северо-Западные территории занимают примерно треть общей площади Канады, то понятно, почему центр может организовать не более 2–3 таких выездов в год.

При разработке подобных программ решающее значение имеет взаимодействие между сотрудниками музея и коренным населением. Все большее участие организаций коренных народов и контроль с их стороны за интерпретацией их культурного наследия способствует не только большей точности информации, но и сочетанию научных знаний с традиционными знаниями аборигенов. Так, например, в рамках проекта, призванного подчеркнуть важность как научных, так и традиционных знаний, сотрудники просветительного

Центр наследия народов Севера принца Уэльского.

отдела Центра наследия совместно с племенем дене готовятся к открытию дневного лагеря на открытом воздухе. В этом лагере старейшины и знатоки традиций выступают в роли наставников. Приобщившись на собственном опыте к образу жизни народа дене, студенты смогут лучше узнать и по достоинству оценить культуру и природу края.

Традиционные географические названия являются неотъемлемой частью культуры и истории коренных народов Севера. Топонимист Центра наследия, работая в тесном контакте с населением, собирает информацию о тысячах местных географических названий, которая затем служит основанием для официального признания традиционных топонимов. В результате многим местам вернули их традиционные наименования: на-

пример, Сноудрифт на Большом Невольничьем озере стал Лутселке (место, где водится *lutsel* – небольшая рыбка), а Эскимо-Пойнт на побережье Гудзонова залива в районе Киватин теперь называется Арвиат (гренландский кит).

Консультативный отдел центра отвечает за оказание финансовой поддержки общинным музеям и организациям, занимающимся вопросами сохранения наследия Северо-Западных территорий, а также за координацию оказываемых технических и профессиональных услуг. Сотрудник центра проводит консультации с работниками трех региональных общинных музеев на общественных началах, а также с членами нескольких исторических обществ и «групп наследия»; он координирует оказание им помощи и проведение заня-

тий с ними. Консультативный отдел поддерживает связи с национальными и зарубежными музеями, что позволяет ему быть в курсе разнообразных музеелогических проблем и новых тенденций в этой области. Поскольку в регионе нет профессиональной музейной ассоциации или ассоциации по культурному наследию, еще одной важной задачей отдела является создание и поддержка сети региональных организаций. В рамках программы пожертвований консультант рассматривает и оценивает заявки на фонды. Он также оказывает музеям и организациям, связанным с сохранением наследия, помощь в планировании и осуществлении различных проектов.

С 1979 года Архив Северо-Западных территорий стал неотъемлемой частью

многофункционального Центра наследия. Архив – это не просто библиотека, где хранятся рукописи; его собрание включает широкий спектр архивных материалов, в том числе правительственных документов, а также письменные свидетельства частных лиц и организаций, которые могут служить основой для документальной истории Северо-Западных территорий. Огромная площадь региона и разнообразие культур проживающих там народов делают сбор письменных свидетельств весьма не легкой задачей. Если учесть, что здесь имеется семь официально зарегистрированных языков коренных народов, собирание письменных материалов становится в один ряд с под-

вигами Геракла. Более того, если большинство архивов требуют, чтобы заинтересованные лица (например, исследователи) приезжали за консультацией к ним, то сотрудники Архива Северо-Западных территорий сами выезжают в населенные пункты и тратят значительную часть своих средств на изготовление копий справочных материалов, таких, как фотографии, звукозаписи и видеофильмы.

Являясь единственным архивом в Северо-Западных территориях, в штате которого имеются сотрудники-профессионалы, он оказывает помощь другим учреждениям, связанным с сохранением наследия, осу-

В помещениях Центра наследия народов Севера принца Уэльского.

© John Poirier, NWT Archives

шествляет подготовку их работников и членов и проводит экспертизы. С этой целью как в Восточной, так и в Западной Арктике каждый год организуются семинары.

Сохранение наследия Северо-Западных территорий – что впереди?

Центр наследия народов Севера, оказывающий постоянную поддержку и помощь местным организациям, занимающимся вопросами сохранения наследия, сталкивается при этом с целым рядом специфических проблем. В ответ на все возрастающий спрос со стороны различных организаций, находящихся в ведении местных общин, Центру наследия приходится расширять свои услуги в области как «музейного дела», так и сохранения наследия, включив сюда и сохранение неосязаемого наследия, а именно интерпретацию истории, передаваемой в устной форме, возрождение языков коренных народов, передачу традиционных знаний.

Проблемы сохранения культурного наследия и окружающей среды тесно связаны со стремлением сохранить материальную культуру. Быстрые перемены в социальной, культурной, политической и экономической сферах, затронувшие коренные народы во всем мире, отразились и на коренных народах Севера. Учреждения, подобные Центру наследия, имеют возможность оказывать помощь жителям отстоящих друг от друга на огромные расстояния поселений как в объяснении происходящих перемен, так и в сохранении их традиций.

Удовлетворение земельных притязаний коренных народов Севера, а также реституция предметов их материальной культуры и архивов ставят новые интересные проблемы в плане оказания услуг в области сохранения наследия. Задача состоит в том, чтобы местные жители взяли

на себя всю полноту ответственности за сохранение культурного наследия, так, как это определено их общиной. Реституция предметов материальной культуры тоже требует определенного уровня архивной и музейной работы и соответствующего обучения коренных и некоренных жителей.

Центр наследия народов Севера ощущает, что все больше растет потребность в обучении во всех областях, связанных с наследием. Следовательно, было бы необходимо наладить более широкую и лучше организованную сеть образовательных программ. С этой целью недавно была предпринята попытка проанализировать потребности в обучении. Появившиеся в результате этого предложения и запросы придадут целенаправленность консультациям с представителями общин по вопросам планирования программ в области сохранения наследия и будут способствовать совершенствованию методов обучения в деле сохранения наследия в общинах Северо-Западных территорий. Есть надежда, что в результате сочетания традиционных знаний и компетентности музейных специалистов появятся программы, в полной мере отвечающие потребностям местного населения.

Со временем внедрение автоматизации и использование других современных технологий поможет решить проблемы огромных расстояний и разницы в часовых поясах, с которыми сталкиваются народы Севера. Но важнейшую работу по созданию программ, направленных на сохранение культурного наследия, должны взять на себя сами общины коренных народов. А регулярные контакты и обмен опытом между местными организациями по сохранению наследия и сотрудниками Центра наследия народов Севера дают возможность обеспечить успех и эффективность деятельности в этой области, направленной на удовлетворение специфических потребностей. ■

Вновь обретая прошлое: Гренландский национальный музей и архив

Йоэль Берглун
(Joel Berglund)

Вслед за предоставлением Гренландии в 1979 году самоуправления на протяжении последнего десятилетия происходил процесс возвращения большей части датских коллекций, имеющих отношение к истории Гренландии, молодому Гренландскому национальному музею и архиву. О том, как осуществлялась передача этих ценностей, рассказывает хранитель археологического собрания музея, который занимается работой с древностями в Гренландии начиная с 1980 года.

Гренландские музеи довольно молоды, первый музей был основан всего лишь 25 лет назад. В 1968 году в Нуке, столице Гренландии, открылась первая экспозиция, и музей, являющийся сегодня Гренландским национальным музеем и архивом, в соответствии с датским законом о музеях был определен как Датский региональный музей. Гренландия была датской колонией в период с 1721 по 1953 год, в течение которого она стала неотъемлемой частью Дании. Этот статус сохранялся вплоть до 1979 года, когда ей было предоставлено самоуправление. Двумя годами позже Гренландия приняла свой собственный закон о музеях, направленный на развитие музейной деятельности, с тем чтобы поощрять местные органы власти к созданию местных музеев. Они не заставили себя долго ждать, и в настоящее время в четырнадцати из восемнадцати гренландских муниципалитетов есть свои музеи. Это удивительно, если учесть тот факт, что население острова составляет 55 тысяч человек, разбросанных на территории Арктики площадью в 2,2 миллиона квадратных километров.

Гренландский национальный музей и архив – главный музей страны, его коллекции включают как письменные памятники, так и материальные свидетельства истории культуры. История Гренландии насчитывает пять тысячелетий, на которые приходится несколько волн иммиграции эскимосской культуры из Северной Канады. К концу периода викингов с востока прибыли исландские фермеры, связав Гренландию с историей Исландии, Норвегии и Дании; этот процесс завершился присоединением Гренландии к Дании и превращением ее в датскую колонию.

Природа всегда играла первостепенную роль в арктических и субарктических районах Земли, что в очередной раз находит подтверждение на примере современной Гренландии. Естественно поэтому, что на музей

ложится обязанность распространять знания об арктической окружающей среде. История цивилизаций фиксирует наше поведение в хронологической последовательности. Оно отражает наше понимание окружающей среды как в физическом, так и в социологическом плане и должно всегда определяться искусством, которое служит истинным выражением *Homo Ludens* прошлого и настоящего. Такой взгляд на историю позволяет судить о характере деятельности данного музея.

Гренландский национальный музей и архив занимает в общей сложности девять зданий, различных по величине и форме, где размещаются мастерские, в том числе реставрационные, фотостудии, архив, хранилища, административные помещения и, конечно, экспозиционные залы. Последние разделяются на ряд тематических экспозиций: эллинг для каюков и женских лодок; залы, посвященные гренландскому искусству и ремеслам, костюму, среде обитания и быту эскимосов; скандинавская коллекция, геология местности муниципалитета Нука, жизнь местных птиц и, наконец, самые выдающиеся экспонаты музея – всемирно известные мумии из Килакитсока на севере Гренландии. Один зал отведен под временные выставки, как правило, художественные – и гренландские, и зарубежные. Музей придает большое значение экспонированию художественных выставок; для него важно не только показать местным жителям все богатство гренландского искусства, но и познакомить их с международными тенденциями в современном искусстве.

Благодаря археологическим раскопкам, полученным дарам, покупке предметов и собственной собирательской деятельности Гренландский национальный музей и архив сумел создать великолепные коллекции. Однако в последние годы обстоятельства различного рода по-

Фотография предоставлена автором

зволили существенно пополнить музейное собрание.

Ученые-специалисты в области истории Арктики осознают тот факт, что Дания, более ста лет осуществляющая научные исследования в Гренландии, относится к числу стран, занимающих ведущие позиции в области изучения арктической археологии и этнографии. Датская коллекция, находящаяся в Датском национальном музее в Копенгагене, охватывает буквально всю Гренландию и все культуры, существующие в этой части Арктики; она является одной из лучших арктических коллекций в мире. Гренландская научная коллекция включает примерно

пятнадцать тысяч этнографических и около ста тысяч археологических предметов.

После того как в 1979 году Гренландия получила самоуправление, местные власти взяли на себя заботу о древностях и ответственность за проведение культурных мероприятий. Датский национальный музей больше не вмешивался в эти дела в Гренландии, сняв с себя все обязательства по их осуществлению. Вся работа с древностями и архивная деятельность находилась отныне в компетенции гренландских властей, а музей в Нуке был преобразован в Национальный музей. Однако собственная музейная коллекция бы-

Акварель Арона из Кангека (около 1858 года), иллюстрирующая рассказ о состязании двух друзей-альпинистов.

Фотография предоставлена автором

Вдоль берега разместился комплекс зданий Гренландского национального музея и архива. Нук, апрель 1993 года.

ла, безусловно, недостаточно полной, чтобы отвечать требованиям, предъявляемым к национальному музею. Недавнее возвращение исландских рукописей создало прецедент для реституции памятников материальной культуры бывшим зависимым североатлантическим странам. Было решено, что если музей в Нуке достигнет достаточно высокого в музееологическом плане уровня и сможет обеспечить должную сохранность памятников материальной культуры, то часть гренландской коллекции Датского национального музея будет возвращена в Нук.

Десятилетие реституции

Первая передача состоялась в 1982 году. Примерно двести акварелей, созданных около 1860 года двумя гренландскими художниками – Арном из Кангека и Енсом Креутсманном из Кангамиута, – были переданы нукскому музею. В 1984 году благодаря этой в общем-то неофициальной договоренности был создан официальный комитет по содей-

ствию в дальнейшем более полной передаче ценностей. Комитет состоял из трех представителей Гренландского музея и трех – Датского национального музея. Секретариат, организованный при Национальном музее в Копенгагене, отвечает за практическую работу, связанную с этими передачами.

Первой задачей, стоявшей перед комитетом, была передача в 1986 году этнографических материалов, собранных в Гренландии во время проведения датских экспедиций во второй половине XIX века. Эти материалы насчитывают около четырех тысяч предметов, охватывающих большую часть истории Гренландии; сюда входит известная коллекция Густава Хольма, происходящая с восточного побережья Гренландии, коллекция из Северной Гренландии, включающая культуру Туле XIII–XIV веков, и археологические материалы из Ангмагссалика, относящиеся к периоду начала XV – конца XIX века.

В 1990 году состоялась передача этнографических материалов, связан-

Фотография предоставлена автором

ных с полярными эскимосами, а в 1994 году должны быть возвращены этнографические предметы из Западной Гренландии; таким образом, завершится передача эскимосского и гренландского собраний. Последним возвращаемым разделом станут археологические материалы, относящиеся к периоду с 985 по 1500 год, а вся программа реституции должна быть выполнена к 1995 году. Перед каждой передачей материалов организуется их прощальная выставка в Национальном музее в Копенгагене, а по прибытии в Нук предметы экспонируются в Гренландском музее.

Недавно Гренландский национальный музей и архив заключил другое соглашение о передаче, на сей раз с Геологическим музеем. Это представляется естественным, так как геологические изыскания в Гренландии Дания начала проводить так же давно, как и исследования культурно-исторического характера. Имеется также соглашение о сотрудничестве с Зоологическим музеем в Копенгагене, тогда как подобное соглашение с копенгагенским Музеем почтовой и телеграфной службы находится в процессе разработки.

Сотрудничество, о котором идет

речь в этих соглашениях, реально характеризует взаимоотношения сторон; определены конкретные сроки, и Гренландскому музею отводится не просто роль принимающей стороны, поскольку в документах оговаривается, что он в свою очередь может предоставлять услуги и оказывать помощь, например, в связи с совместной выставочной деятельностью и проведением полевых исследований в Гренландии.

Реституция музейных коллекций и предметов материальной культуры важна по ряду причин. Когда музей в Нуке получил статус национального, это также повлекло за собой предоставление ему средств, позволяющих функционировать в качестве такового, что было бы невозможно без поступления материалов из датских собраний. Международное признание культур туземных народов также способствовало появлению тенденции к возвращению музейных коллекций. Общеизвестно, что такие материалы культурного характера составляют жизненно важную часть духовного наследия страны, ее самобытности и опыта; иными словами, они являются материальным свидетельством того, «кто мы».

Предметы из Восточной Гренландии, происходящие из коллекции Густава Хольма.

Справляясь с переменами: Провинциальный музей Лапландии

Райли Хуопайнен
(*Raili Huorainen*)

Райли Хуопайнен является музейным хранителем и специалистом в области просветительской работы, а с 1983 года занимает должность директора Провинциального музея Лапландии. В данной статье он рассказывает о своем музее и рассматривает его роль в быстро изменяющемся обществе.

Провинциальный музей Лапландии находится в городе Рованиеми, расположенном в Северной Финляндии, у Северного полярного круга, и насчитывающем 35 тысяч жителей. Благодаря тому что Рованиеми размещается в месте слияния крупных рек, он с давних пор считается торговым и транспортным центром. Он также является административным и культурным центром Северной Финляндии.

Город Рованиеми основал Провинциальный музей Лапландии в 1975 году. В музее есть отделы культурной истории и естествознания, активно взаимодействующие в своей деятельности; в Лапландии природа и культура по-прежнему тесно связаны друг с другом.

Финляндия разделена на двадцать музейных областей, центральные музеи которых выполняют обязанности провинциальных музеев для каждой области, оказывая при этом квалифицированную помощь местным музеям. Они также организуют курсы по подготовке музейных кадров, выставки, участвуют в совместных проектах, составляют и содержат архивы по музейным собраниям и музейным зданиям области.

Провинциальный музей Лапландии выступает в качестве центрального музея для одиннадцати музеев данного региона. Большинство из них являются небольшими учреждениями местного значения, но есть среди них и специальные музеи, например, Лапландский музей лесного хозяйства, Музей золотоискателя и Музей саамов.

Лапландия всегда пленяла воображение людей. Она изображалась как мифическая страна, где первобытный народ живет среди первозданной природы, и подробно описывалась в рассказах путешественников. Начиная с XVII века постоянно растет поток исследовательских экспедиций, посещающих эту область, и

она по-прежнему является самым притягательным для туристов районом Финляндии. Около 550 тысяч человек ежегодно посещают Рованиеми по дороге на север.

Если для туристов Лапландия — это страна белых ночей, северного сияния и волшебства, то для местных жителей — это дом, место, где приходится трудиться, приспособившись к самым суровым условиям. Разведение северных оленей, охота, рыболовство, лесоводство и содержание домашнего скота всегда служили традиционными способами добычи средств к существованию. Однако жизнь подверглась резким изменениям: вторая мировая война опустошила этот регион, а строительство электростанций положило конец ловле лосося, приносившей немалую прибыль. В конце 1960-х годов люди покинули нерентабельные маленькие фермы и двинулись на юг — в Южную Финляндию или Швецию. Из всех исторических областей Европы Лапландия пережила самые быстрые структурные перемены. В наши дни большая часть местного населения занята в сфере обслуживания. Сегодняшняя Лапландия пытается также решить проблемы экономической интеграции и международной конкуренции.

Шесть с половиной тысяч представителей коренного народа Финляндии, саамов, также проживают в Лапландии. Большинство населения Финляндии считает первых жителей своей страны невежественными и необразованными людьми, а традиционный образ жизни саамов — отсталым. Многие аспекты их культуры по-прежнему умаляются, и порой дело доходит даже до смешного. Например, обувь, которую носят саамы (сделана из оленьей шкуры, а вместо носков используется солома), долгие годы забавляла и забавляет многих людей. Однако эта обувь представляет собой совершенное изделие, идеально подходящее для ношения в условиях Заполярья, и ее не

The Provincial Museum of Lapland/Jukka Savilehto

способно заменить ни одно промышленное изделие. До 1960-х годов саамский язык в школах был запрещен. К счастью, сейчас дело обстоит иначе: общая волна этнического возрождения, прокатившаяся по миру, затронула и саамов. Это прежде всего проявляется в растущем использовании саамского языка, что свидетельствует о необходимости обучения на этом языке. Саамы добились также значительных успехов в области литературы, театрального и изобразительных искусств. Начиная с 1970-х годов саамы проявляют большую активность, стараясь наладить международное сотрудничество между коренными народами.

Однако индустрия туризма по-прежнему безжалостна в отношении культуры саамов. Рынок Лапландии попросту эксплуатирует в своих интересах красочные и экзотичные элементы культуры саамов, и при этом никто не дает себе труда задуматься над тем, что они значат для самобытности этого народа. Туризм (в частности, производство сувениров) и его взаимоотношения с культурой саамов составляют одну из областей исследований Провинциального музея Лапландии.

Провинциальный музей Лапландии молод, как, впрочем, и вся сфера музейной деятельности в Лапландии: первый музей здесь был основан лишь в 1960-е годы. Это отчасти объясняется тем фактом, что в Лапландии не было коллекций, имеющих долгую историю. К числу других факторов относится война, буквально разорившая Лапландию, а также то, что данный регион никогда не мог похвастаться наличием богатой коллекции предметов материальной культуры. Действительно, старые коллекции саамской культуры следует искать в других местах Европы.

Загон скота. Энонтекиё, Финляндия.

Культурные связи и противоречия

В декабре 1992 года в Провинциальном музее Лапландии было открыто новое здание – Арктикум. В нем разместился научный центр Университета Лапландии, занимающийся главным образом изучением окружающей среды арктического района, а также новая музейная экспозиция по истории Лапландии, которая рассказывает о суровых условиях жизни

людей в Лапландии с доисторических времен до наших дней. Ландшафты и культура представлены в ней как единый природный организм, и культура рассматривается в экологическом контексте.

Хотя культурная история Лапландии сильно отличается от истории Финляндии в целом, индустрии туризма этого оказалось недостаточно, поэтому она выдумала свои собственные традиции и истории. В музейных экспозициях, посвященных Лапландии вообще и саамской культуре в частности, просматривается явно пристрастный и тенденциозный подход, что способствует оправданию многих распространенных стереотипов об этом районе. Саамская культура упорно изображается такой, какой ее видят посторонние люди. Более того, культуру саамов почти всегда представляют как консервативную и фактически погибающую.

Цель новой экспозиции заключалась в попытке сломать эту тенденцию. С одной стороны, мы стремились создать более объективную картину истории и культуры Лапландии, а с другой – представить культуру саамов в большей степени с точки зрения ее носителей, на основе ее собственных ценностей.

Во-первых, мы хотели рассмотреть материалы, предназначенные для экспонирования, с точки зрения нескольких научных дисциплин, и с этой целью были приглашены специалисты в различных областях знания, образовавшие рабочую группу по созданию экспозиции.

Во-вторых, нам необходимо было установить тесное, прочное и основанное на доверии сотрудничество с представителями саамского населения. Я рад сказать, что в значительной степени этого удалось достичь. Часть экспозиции, посвящен-

ная современной культуре, основана на материалах о существующих деревнях, собираемых музеем в течение многих лет. Местные жители участвовали в осуществлении этого проекта и даже согласились на то, чтобы их сфотографировали, записали беседы с ними; они также продавали или передавали в дар музею различные принадлежавшие им предметы.

В созданной экспозиции культурные связи и культурные противоречия показаны во взаимодействии. Мы стремились дать самую широкую информацию, чтобы заставить посетителей задавать себе вопросы и самим делать выводы. Кроме того, чтобы полнее донести до посетителя содержание экспозиции, мы использовали различные средства, ключевыми из которых являются: оригинально написанные статьи и тексты, фотоматериалы, черно-белые печатные издания, слайды, видео- и аудиозаписи, освещение и интерактивные компьютерные программы.

Что значит сегодня быть саамом? Что ожидает Лапландию в будущем? Эти вопросы представляют особую важность для живущих здесь людей, и своей экспозицией мы заставляем молодых саамов задуматься над ними, так как они помогают выявить их собственные чаяния и надежды на будущее.

Новое здание, Арктикум, пользуется большой популярностью у туристов, и одна из задач, стоящих перед Провинциальным музеем Лапландии, заключается в том, чтобы туристы, путешествуя по этой области, больше узнавали о ее истории и жителях. Однако музею не хотелось бы быть только местом, привлекающим туристов; он стремится стать центром, где лапландцы могут с гордостью знакомить гостей с историей своих предков, которые отважно обосновались в Арктике и выжили, несмотря на исключительно суровые условия.

The Provincial Museum of Lapland/Jukka Suvilehto

Саамские женщины, плетущие шкурки. Хетта, Энонтекиё, Финляндия.

Музей Тромсё: витрина для природы

Брюнхилль Мёрквед, Роб Барретт
(Brynhild Mørkved, Rob Barrett)

В качестве главного музея Северной Норвегии Музей Тромсё обслуживает население, разбросанное на территории в 175 тысяч квадратных километров, что в четыре раза превышает площадь Швейцарии. Ему удалось успешно сочетать в своей деятельности, достойной подражания, научные исследования и обслуживание посетителей, за что Музей Тромсё получил похвальный отзыв при присуждении премии «Лучший западноевропейский музей года» в 1979 году. Брюнхилль Мёрквед, хранитель ботанической коллекции, в настоящее время возглавляет музей, а Роб Барретт является специалистом по морским птицам.

Строительство под открытым небом нурланнской лодки Salarøy, 1991 год.

Самый северный университетский музей мира находится в Тромсё, норвежском городе с населением около пятидесяти тысяч человек, который в этом году отмечает свое двухсотлетие. Вскоре после своего основания Тромсё стал культурным центром региона, и в 1872 году в нем был создан первый музей. Важность существования на столь высоких северных широтах подобного культурного учреждения была очевидной, и Музей Тромсё является с тех пор крупнейшим музеем Северной Норвегии. В 1976 году Музей Тромсё вошел в состав недавно организованного Университета Тромсё. Сегодня музей, как всегда, пользуется популярностью у местного населения; в 1992 году он принял около ста тысяч посетителей.

Музей находится в замечательном парке в южной части острова Тромсё, в трех километрах от центра города и университета. Занимаемое им сейчас здание было открыто в 1960 году, когда в штате музея состояло всего 24 человека. Сегодня в музее работает более восьмидеся-

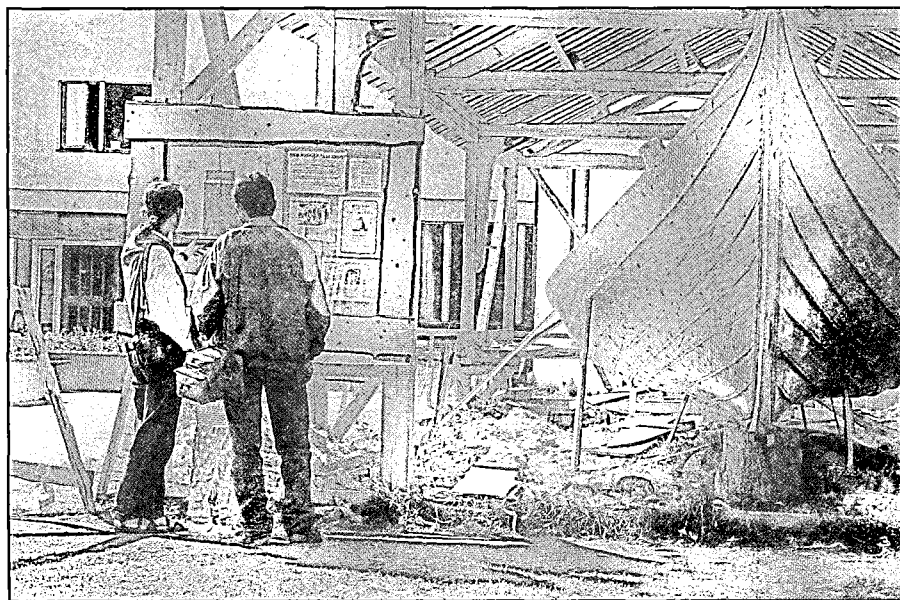
ти человек, и, поскольку с момента открытия здания значительно выросли его коллекции и расширилась деятельность, нехватка площадей является основной причиной недовольства сотрудников музея. Строительство нового музейного здания планируется осуществить на территории университета, но надежды на переезд в него в ближайшее десятилетие весьма призрачны.

Хотя первые идеи о создании музея зародились в 1846 году, официально Музей Тромсё был основан лишь в 1872 году. В 1870 году в Тромсё была организована выставка, посвященная сельскому хозяйству, рыболовству и промышленности, и многие ее экспонаты составили основу того, что должно было стать Музеем Тромсё, открывшимся двумя годами позже. В соответствии с первым уставом Музея Тромсё основной его задачей было «научное изучение Северной Норвегии и прилегающих арктических районов и распространение знаний по различным научным дисциплинам», и с этого времени музей всегда стремился придавать первостепенное значение выполнению этих двух целей. В 1874 году открылась первая постоянная экспозиция, а еще через четыре года был опубликован первый ежегодник – *Tromsø Museum Annual Report*.

В 1972 году был открыт Университет Тромсё, а в 1976 году Музей Тромсё включили в его состав в качестве отдельного учреждения. Музей состоит из шести крупных отделов: археологии, региональной этнологии (включая народную музыку), этнологии саамов, геологии, ботаники и зоологии, имеется также отдел обслуживания посетителей.

Научные коллекции и исследования

За время своего 120-летнего существования музей собрал обширную и

Фотография предоставлена автором

уникальную коллекцию, которая и определяет специфику его основной деятельности. Каждый отдел располагает рядом коллекций и архивами материалов о предметах, документах, фотографиях, фильмах и магнитофонных записях. Коллекции зоологического и ботанического отделов используются в системе международного обмена научными материалами.

Пока здесь не был основан университет, Музей Тромсё был единственным учреждением, проводившим научные исследования в районе Северной Норвегии, куда входят фюльке Нурланн, Тромс и Финмарк. Данный регион занимает территорию в 113 тысяч квадратных километров и простирается от границы между фюльке Нур-Трэннелаг и Нурланн на юге до границы с Россией на северо-востоке, что составляет расстояние в 1500 километров. Добавьте к этому также архипелаг Шпицберген (Свальбард) площадью шестьдесят тысяч квадратных километров.

Внутри такой крупной географической зоны существует большое разнообразие флоры и фауны: густые хвойные леса на юге, где произрастают теплолюбивые растения, и богатый животный мир вдоль южной береговой линии; девственные сосновые леса, в которых обитают бурые медведи, россомахи и рыси, во Внутреннем Тромсе и Финмарке; по всей территории региона – горы, реки и озера. В прибрежных скалах гнездятся многочисленные колонии птиц, оживляющих эту в остальном почти пустынную землю.

Слово «разнообразие» также является ключевым при описании местных жителей. Люди населяют Северную Норвегию свыше девяти тысяч лет, и сегодня здесь проживают три этнические группы: норвежцы, саамы и финны. Саамы теперь получили в Норвегии статус коренного меньшинства и пользуются определенной

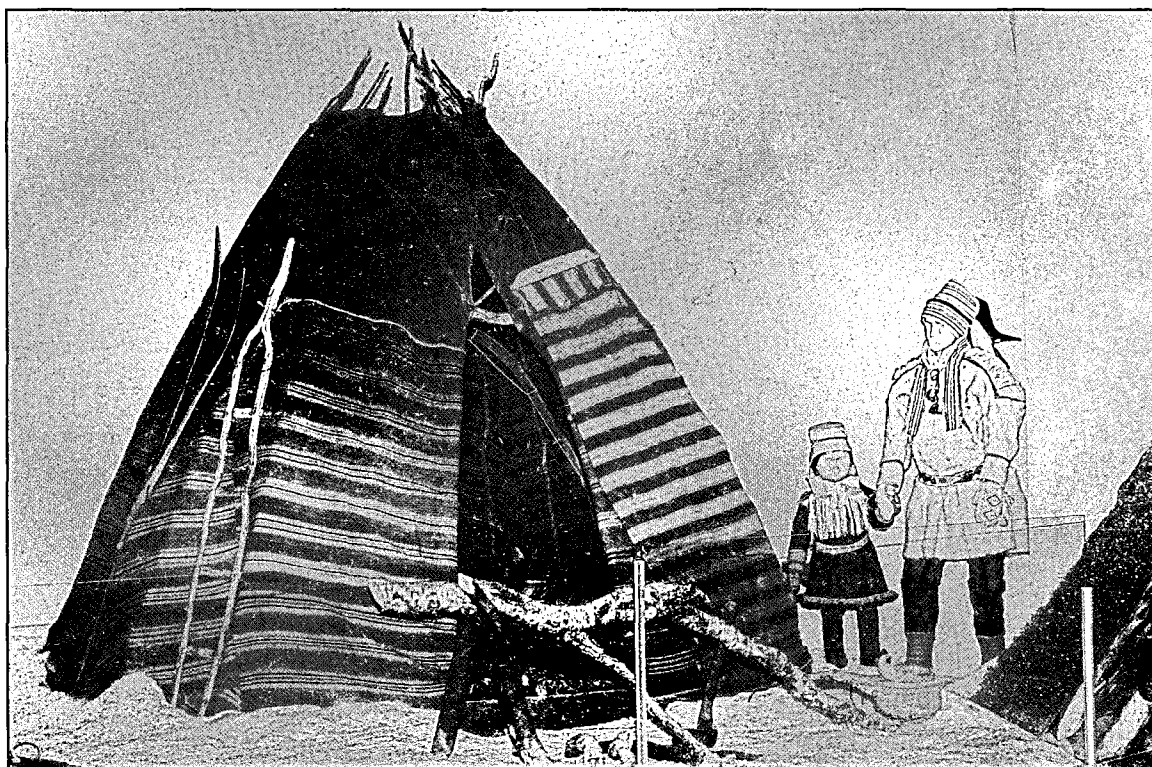
степенью автономии благодаря созданию парламента саамов. Археологи постоянно пополняют знания об истории данного района. Например, они обнаружили крупнейший в Скандинавии центр викингов на Борге (острова Вестеролен), тогда как на острове Сёрё в Финмарке в ходе недавних раскопок были открыты жилища, насчитывающие девять тысяч лет и относящиеся к каменному веку. Сотрудники музея часто совершают экспедиции на север для осуществления смелых исследовательских проектов как на материке, так и на Шпицбергене, где их внимание сосредоточено главным образом на темах, связанных с научными коллекциями. Пристальный интерес к наукам находит отражение и в библиотеке Музея Тромсё, насчитывающей 85 тысяч томов. Кроме того, созданы базы данных по библиотеке полярной литературы и обширному собранию этнографических материалов, подаренному Юстом Квигстадом (1853–1957), посвятившим всю свою жизнь изучению саамов.

Обслуживание посетителей и просвещение

Совместно с другими отделами музея отдел обслуживания посетителей делает все для того, чтобы результаты научных исследований, коллекции, архивные материалы и т. д. были представлены публике в доступной для понимания форме. В каждом научном отделе есть по крайней мере один лектор, основная обязанность которого заключается в поддержании постоянного контакта с публикой. Музейный педагог осуществляет обслуживание школ. Чтобы «дойти» до посетителей, используются три канала: экспозиции, обучение и публикации.

Из ста тысяч человек, посещающих музей в течение года, около десяти тысяч составляют школьники. Музей организует также серию пере-

Фотография предоставлена автором

Типичное жилище из саамской экспозиции.

движных выставок по Северной Норвегии, Швеции и Финляндии, где с ними знакомятся еще шестьдесят тысяч человек. Воскресенье в Тромсё – традиционно «музейный день» для местных жителей, и каждую неделю в музей приходит от двухсот до тысячи родителей с детьми. Чтобы у людей возникало желание посетить музей еще раз, каждое воскресенье во второй половине дня там показывают короткометражные фильмы, а по средам вечером часто организуют лекции и другие мероприятия, открытые для публики. Конечно, особую привлекательность имеют выставки, и мы прилагаем все усилия, чтобы доставить удовольствие детям.

Постоянная экспозиция занимает площадь в 1200 квадратных метров. Еще 180 квадратных метров отведено для размещения временных выставок, посвященных самым разнообразным темам. Недавняя выставка, подготовленная отделом геологии, продемонстрировала, как много из имеющихся в регионе различных видов горных пород используется

в современном строительстве. В настоящее время организуется археологическая экспозиция, основанная на материалах по викингам и средневековью, а также экспозиция по естествознанию для детей. Особый интерес для детей представляет также модель динозавра в натуральную величину, живой уголок с играми, головоломками, вивариумом и аквариумом, записями рассказов о доисторической эпохе на нашей территории, а также программа для школ, в которой рассказывается о двенадцатилетней Сольвейг и ее жизни в прибрежном районе в 1920-е годы.

В наши дни более, чем когда-либо, важно добиваться активного участия музейных посетителей, и мы делаем все возможное, работая в этом направлении. Разрабатываются анкеты, которые распространяются на выставках среди всех возрастных групп, готовятся специальные мероприятия для школьных групп. Уже в 1979 году, когда музей удостоился похвального отзыва при присуждении премии «Лучший западно-европейский музей года», мы

почувствовали, что добились многого.

С тех пор мы сумели еще продвинуться в своей работе. Так, например, мы привлекли посетителей к участию в экспериментах с драмой и диалогом, а также составили короткое описание, повествующее о голландском китобое по имени Корнелиус, который жил и умер в XVIII веке на Свальбарде. Копии его одежды и снаряжения были выполнены на основе археологических находок, сделанных на Шпицбергене.

Традиционные ремесла демонстрируются при осуществлении строительных проектов либо внутри музейного здания, либо снаружи. В 1991 году, к восторгу многих посетителей, на газоне перед главным входом была построена нурланнская лодка (*fembøring*) длиной 13,5 метра, получившая название *Salarøy*, а в 1992–1993 годах на том же месте построили саамскую хижину из дерна на деревянном каркасе. Мы собираемся продолжить эту деятельность,

создав в 1994 году реконструкцию двенадцатиметровой гребной лодки VII века, а затем предложив всем музеям, расположенным на побережье, помочь нам привести ее в 1995 году в Ставангер на конференцию ИКОМ!

Музей проводит обучение путем обслуживания школ и организует различные курсы по темам, относящимся к экспозициям, а также экологии пресной воды и местной географии. Для широкой публики, школьных учителей и работников местных музеев проводятся внемузейные курсы. На этих занятиях рассматриваются такие вопросы, как технические аспекты организации экспозиций, соби́рание и документирование народной музыки, документирование культурных реликвий саамов, геология и грибы (определение и использование). Музейные сотрудники проводят также однодневные экскурсии с целью наблюдения за птицами либо сбора дикорастущих трав или грибов.

Музей Тромсё осуществляет выпуск ряда публикаций. *Tromsø Museums skrifter* и *Tromura* – это две серии научных докладов, в то время как *Kontakt Skole-Museum* – издание, предназначенное главным образом для местных школ. С 1994 года Музей Тромсё выпускает научно-популярный журнал *Ottar*, посвященный природе и культуре Северной Норвегии. Теперь он выходит пять раз в год и имеет 4500 подписчиков. В 1992 году мы начали выпуск нового ежегодного издания на английском языке *Way North*, которое, как мы надеемся, будет удовлетворять потребности и любознательность тысяч наших иностранных посетителей. Первый выпуск посвящен теме «Наука о Земле», а второй – жизни растений.

Пока Музей Тромсё не переберется в новые здания на университетской территории, единственным свидетельством нашего будущего место-

положения станут самый северный в мире ботанический сад и геологическая «тропа». Первый должен быть официально открыт в 1994 году, в рамках празднования двухсотлетия Тромсё. Геологическая «тропа» – это большая коллекция образцов скальных пород Северной Норвегии, расположенных вдоль дорожки, ведущей от университета к ботаническому саду. Большинство растений в ботаническом саду составляют многолетники, причем особое внимание уделено арктическим альпийским образцам. На территории ботанического сада площадью шестнадцать тысяч квадратных метров есть разделы, отведенные под специальные коллекции селекционных сортов. Небольшой амфитеатр для проведения лекций и концертов, расположенный на открытом воздухе, вмещает шестьдесят человек. В состав ботанического сада входит также дендрарий (100 тысяч квадратных метров), расположенный в четырех километрах к югу от университета.

До 1990 года Музей Тромсё нес ответственность за охрану всех норвежских древних и исторических памятников, находящихся к северу от Северного полярного круга. И хотя теперь за археологические находки отвечает местная администрация, культурные ценности на островах Свальбард и Ян-Майен по-прежнему находятся в ведении Музея Тромсё. Кроме того, начиная с 1978 года на нас была возложена ответственность за сохранность саамских памятников, расположенных севернее Сальтфьеллета, но вскоре эта территория должна перейти под юрисдикцию парламента саамов.

Сельскую местность вокруг Тромсё трудно описать. Наши гости, уезжая отсюда, увозят с собой воспоминания о высоких горах, под уклон спускающихся в море, о сочных зеленых лугах и березовых рощах, о свежей рыбе, белых ночах. Как нам кажется, каждый должен посетить Северную Норвегию и Музей Тромсё. ■

Музей на Шпицбергене: самый северный музей в мире

Эллен Мари Хагевик
(Ellen Marie Hagevik)

Самый северный музей в мире находится к северу от 78-й параллели, приблизительно в тысяче километрах от Северного полюса. Он размещается в Лонгйире, на архипелаге, называемом Шпицберген, который во многих отношениях является необычным. Несмотря на то что архипелаг расположен севернее Полярного круга, он окружен морем, не замерзающим большую часть года; хотя с 1920 года Шпицберген принадлежит Норвегии, сорок государств, поставивших подписи под Шпицбергенским трактатом, имеют равные права в решении вопросов, касающихся его экономической деятельности и использования природных ресурсов. Лишь третья часть населения островов численностью 3700 человек составляют норвежцы.

Коренного населения на островах нет, поскольку в прошлом их холодные берега давали приют лишь беспокойным искателям счастья. В XVII–XVIII веках они прибывали сюда для охоты на тюленей и китобойного промысла. В ту пору на островах было полно китобоев – голландцев, англичан, русских, скандинавов... С начала XX века золотом Шпицбергена стал уголь. В настоящее время готовится прибытие на острова еще одной категории путешественников: индустрия туризма вдруг обнаружила, что первозданные ландшафты могут приносить прибыль.

Однако большинство людей приезжают на Шпицберген работать и остаются ненадолго. В результате миграции местное население быстро обновляется и историческая память оказывается короткой. Какое другое учреждение могло бы лучше удовлетворить потребность в создании местного банка свидетельств исторической памяти, чем музей? Норвежская

журналистка и фотограф Эллен Мари Хагевик, живущая на Шпицбергене, рисует облик такого уникального музейного учреждения и занимательно рассказывает о его в высшей степени незаурядном директоре.

Едва ли покажется удивительным, что Свальбардский музей в Лонгйире не похож ни на какой другой, если учесть особый характер места, в котором он находится. Начать с того, что он даже не походит на музей. Он размещен в сарае, ярко выкрашенном в красный и белый цвета; трава вокруг него зеленее, чем где-либо в городке, – а ведь трава здесь большая редкость. Сам сарай, обитателями которого раньше были свиньи и около 250 кур, отчасти задает тон музею – он непритязателен, но красочен.

Постоянный директор музея, работающий круглый год, был впервые назначен в 1992 году. Им стал Ханс Дибвад Олесен. По его словам, Свальбардский музей – «небольшой и не особенно профессионально организованный, но благодаря личному энтузиазму и при правильном подходе можно многое сделать даже при скудных финансовых и людских ресурсах».

Идея создания музея возникла в середине 1960-х годов у местных жителей, которым удалось собрать предметы, представляющие исторический интерес. Но долгое время этих предметов было так немного, что для них вроде бы не требовалось специального здания и они хранились в разных местах. Деятельность по созданию музея активизировалась в 1979 году, а в 1981 году Свальбардский музей открылся для посетителей. Сарай был подарен руководством угольной промышленности, оказавшим, кроме того, определенную финансовую помощь. В первый год работы музей посетило 3300 человек, что явилось значитель-

ным достижением для городка численностью немногим более тысячи жителей с очень слабо развитым тогда туризмом. В 1992 году в музее побывало уже двенадцать тысяч человек, причем рост посещаемости произошел главным образом благодаря развитию туризма.

С самого начала Свальбардский музей опирался на самоотверженную поддержку местного населения. Вплоть до назначения Дибвада Олесена на должность директора повседневную работу в музее и непрекращающиеся поиски средств вел правление, его члены занимались этим в свое свободное время, не получая никакого вознаграждения.

Председатель вел корреспонденцию и отвечал на запросы и обращения, на другого члена правления была возложена работа со счетами, а в практической деятельности принимал участие каждый.

По мнению Дибвада Олесена,

Характерной особенностью музея является отсутствие бюрократической волокиты. Идея состоит в том, чтобы сделать музей максимально доступным. Свальбардский музей – особенный в том смысле, что, в отличие от обычных музеев, куда люди приходят посмотреть на свое прошлое, очень немногие из его посетителей имеют хоть какое-то представление о шахтерском поселении Лонгйир или районах Арктики. Информация и впечатления, полученные в музее, окажутся для большинства посетителей совершенно неожиданными.

Часы работы Свальбардского музея, как и многие другие виды деятельности на Крайнем Севере, зависят от Солнца. Зимой он открыт лишь несколько часов в неделю. Летом график работы гибкий: любознательным туристам двери открыты хоть днем, хоть ночью. Численность персонала также меняется в зависимо-

Фотография предоставлена автором

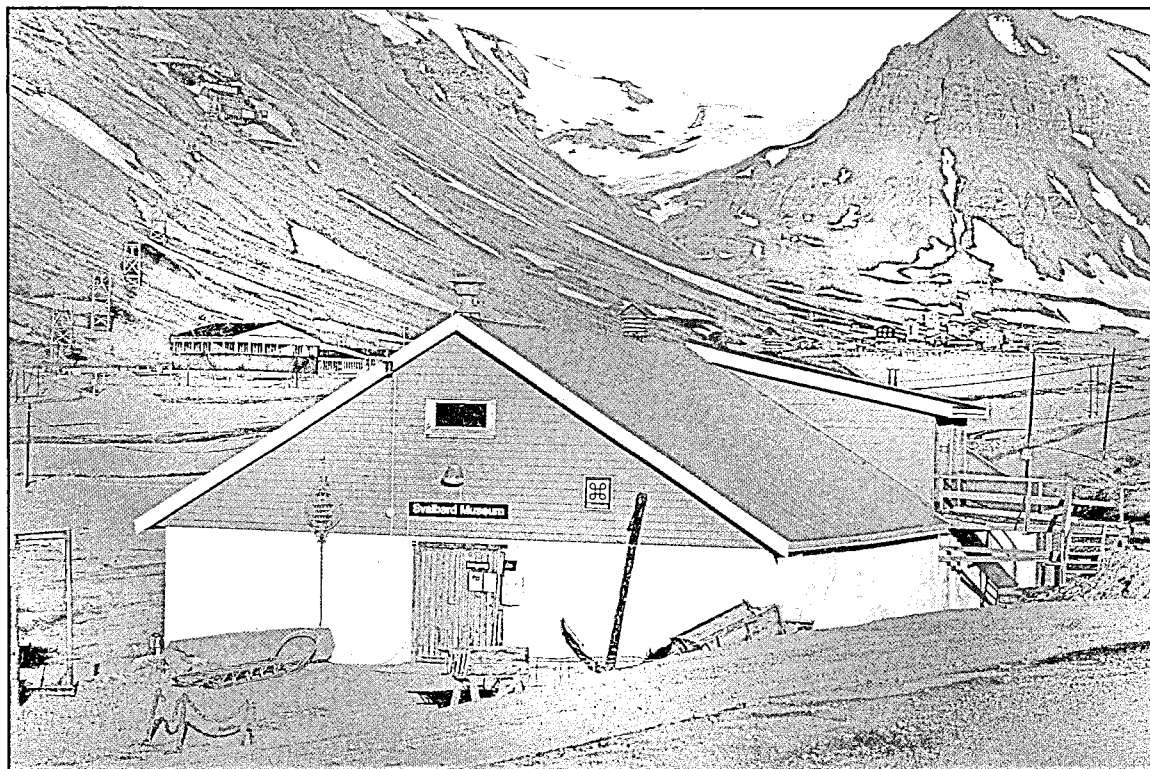
Восстановление таубанесентрал – центральной части системы транспортировки угля из подземных выработок на пирс – в настоящее время является крупнейшим из проектов Свальбардского музея. В скором времени сооружение, необычная конструкция и функциональное назначение которого просто зачаровывают, откроется для публики.

сти от времени года: до недавнего времени единственным постоянным штатным сотрудником была уборщица.

От музеев на материке Свальбардский музей отличается и в том, что касается экономической стороны дела. В то время как большинство музеев Норвегии финансируется за счет государственных субсидий, Свальбардский музей получает весьма скромную финансовую поддержку, и ему приходится существовать на заработанные им же средства, выручаемые от сбора платы за вход и продажи литературы и сувениров. По словам директора, дела у музея идут довольно хорошо.

В 1992 году у нас побывало двенадцать тысяч посетителей, и мы заработали около шестисот тысяч крон (около 86 800 долларов. – Прим. ред.). Заметим для сравнения, что музей «Фрам» в Осло принял двести тысяч посетителей и имел доход от продажи сувениров немногим более миллиона крон (около 143 тысяч долларов. – Прим. ред.). Думаю, мы имеем все основания испытывать удовлетворение... Могут

сказать, что мы погрелись против добродетели, когда начали зарабатывать деньги. Тот факт, что торговля приносит значительную часть наших доходов – а мы вынуждены торговать, – может навести на мысль, что мы изменяем нашим обязательствам перед культурой. Так ли это или не так, мы не стыдимся зарабатывать деньги на туризме, если это не наносит ущерба нашему профессионализму музейных работников. Напротив, зарабатывая деньги, мы можем совершенствовать работу музея. Культура стоит денег, и посетители должны вносить свой вклад в ее содержание. Если бы больше людей не боялись признать это и не боялись «расстаться с добродетелью», то многие из тех маленьких провинциальных норвежских музеев, которые ныне борются за выживание, существуя на голодном пайке, могли бы улучшить свое финансовое положение.

Фотография предоставлена автором

Подлинные пресмыкающиеся и ложные окаменелости

Экспозиция Свальбардского музея охватывает как естественную историю, так и историю человеческой культуры. Старый свинарник вместил экспозицию, дающую общее представление о прошлом архипелага. Здесь, естественно, экспонируется белый медведь, а также ряд других животных и птиц Арктики, приводятся общие сведения о фауне и геологии островов. Достойное место в экспозиции отведено истории промысла на Шпицбергене, начиная со времен китобоев до сегодняшнего дня. Центральными экспонатами являются полностью сохранившаяся хижина охотника (XX век) и фигура китобоя Корнелиуса из Амстердама в одежде и со снаряжением XVII века.

Среди более диковинных экспонатов — отпечаток лапы гигантской Свальбардской рептилии, игуанодона, жившего на Шпицбергене 130 миллионов лет назад. Как поясняет Дибвад Олесен,

многие отказываются верить, что

этот отпечаток шириной шестьдесят сантиметров оставлен ящером. Это и понятно, принимая во внимание наш теперешний климат. Дело в том, что некогда Свальбард располагался вблизи экватора и с тех пор успел совершить медленный дрейф к северу. Если мысленно перенестись на 130 миллионов лет назад, то мы увидим, что климат был умеренный и влажный, а игуанодоны и другие пресмыкающиеся питались листвой деревьев. Залежи угля свидетельствуют о том, что когда-то на архипелаге существовала буйная растительность: ведь для образования угольного пласта в один метр нужен слой растительных остатков мощностью двенадцать метров.

Мы постоянно получаем запросы, касающиеся окаменелостей. В прошлом году одна жительница Голландии связалась с нашим музеем, утверждая, что ею сделана сенсационная находка окаменелого отпечатка косточки от... отбивной поблизости от старой угольной шахты на склоне холма, что напротив здания музея. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это одна из мно-

Свальбардский музей размещается в старом сарае в Лонгйире. На заднем плане — шахта № 2, ныне бездействующая, ледник Ларса и старейшая часть поселка Лонгйир, Нюбиен.

гочисленных ложных окаменелостей. Многие, к примеру, находят окаменелости, напоминающие тропические фрукты. Но хотя пока что значительных открытий не было сделано, мы считаем обнадеживающим, когда люди обращаются в музей по поводу редких и любопытных предметов. Лучше двадцать ложных окаменелостей, чем отсутствие запросов или общественного интереса. Нас же вопросы, задаваемые посетителями, подталкивают к приобретению новых знаний и установлению контактов с научной общественностью за рубежом.

Второй этаж, где в прошлом держали кур, отведен под экспозицию, посвященную истории добычи полезных ископаемых на Шпицбергене. Здесь демонстрируется шахтный ствол в натуральную величину, в котором показаны два уголекопа в забое. Крупные цветные фотографии, а также акустические эффекты создают полное впечатление того, что вы находитесь под землей. Для посетителей оборудован специальный шахтный ствол, через который им предлагается проползти, чтобы получить некоторое представление об условиях труда в шахте. Созданию особого впечатления способствуют нетрадиционные тексты этикеток и экспликаций: вместо обычных текстов с фактическими данными здесь даны лирические описания подземных выработок и шахтерского поселка, напоминающие небольшие поэтические произведения.

Музей установил тесное сотрудничество с местной школой, где введена факультативная программа занятий в музее для учащихся, начиная с подготовительного класса по четвертый. Дети так охотно впитывают сведения по истории местной общины, что на викторинах, организуемых музеем, они неизменно одерживают верх над родителями. Свальбардский музей — единственный в

Норвегии, где разработана такая программа учебных занятий; она способствует тому, чтобы люди чаще приходили в музей. Когда семья принимает гостей, часто не родители, а дети вызываются сводить их в музей и берут на себя роль экскурсоводов.

«Воздушный замок из волшебной сказки»

Самый последний из задуманных музеем крупных проектов относится к центру воздушной канатной дороги. В свое время она была центральной частью системы транспортировки угля из подземных выработок на пирс. Ею перестали пользоваться в 1987 году, когда транспортировку угля приняли на себя крупнотоннажные грузовики. С тех пор уникальное здание так и высится, подобно воздушному замку из волшебной сказки, напоминая о недавнем прошлом. Это серого цвета сооружение, крытое рифленым железом, не назовешь красивым, но в Лонгйире ему принадлежит особое место. Попытка пустить его на слом натолкнулась бы на сильное сопротивление, и не в последней степени из-за растущего понимания того, что промышленные сооружения также заслуживают бережного к ним отношения. Инициативу по созданию центра воздушной канатной дороги можно с полным основанием назвать заветным проектом Лонгйира. Поскольку само здание, как предполагается, будет служить экспозиционным целям, музей решил пригласить архитектора для руководства его реконструкцией. За исключением нескольких мелких переделок; здание выглядит теперь точно так, как в последний день работы, когда его покинули угольщики, и представляет собой важный элемент истории местной угледобывающей промышленности.

Для Дибвада Олесена проект создания центра знаменует начало нового

этапа развития Свальбардского музея, который поставит его перед необходимостью выполнения новых обязательств и повышения ответственности. Сомнение, однако, вызывает способность музея достойно ответить на вызов времени, если не изменится существующее положение дел. Проект, связанный с центром канатной дороги, уже сейчас требует напряжения всех сил и средств, и свои надежды директор возлагает на то, что музеем будет дан статус национального.

Свальбардский музей явно в этом нуждается. На наши плечи постоянно ложатся все новые задачи, не считая трудоемкой работы по оценке и регистрации предметов, письменных источников и фотоматериалов... Мне хочется, чтобы Свальбардский музей получил возможность расширить свою деятельность и овладеть техническими знаниями для сохранения и консервации археологических находок.

А пока что движущей силой в Свальбардском музее остается личный энтузиазм. Его новому директору в типичный для туристического сезона день случается — в дополнение к своим административным обязанностям — заниматься продажей билетов, водить какую-нибудь туристическую группу по экспозиции, исполнять роль проводника, сопровождая другие группы по Лонгйиру и его окрестностям, наконец, натянув спецовку, помогать в создании новой экспозиции. Для самого Дибвада Олесена это совершенно в порядке вещей:

Даже ребенком я никогда не скучал в музеях, хотя они не всегда были устроены так, чтобы поощрять любознательность. Я еще тогда понял, да и теперь так считаю, что в музее царит свой дух, своя особая атмосфера, которая привлекает меня, и что люди, работающие там, неизменно добры, приветливы и приятны в общении. ■

Период выживания: музеи в девяностые годы

Барри Х. Розен
(Barry H. Rosen)

Сокращение общественных фондов, а также постоянно растущие требования к качеству обслуживания и спрос на услуги заставляют музеи в Соединенных Штатах искать новые пути финансирования своей деятельности. Президент акционерного общества «Милуокский публичный музей» Барри Х. Розен рассматривает, как решается данная проблема в отдельно взятом учреждении.

«Учреждения искусства и культуры нуждаются в большей поддержке частных лиц вследствие сокращения общественных ассигнований», — *Public Relations Journal*, февраль, 1992 год.

«Истощение фондов и смещение приоритетов сделали положение музеев шатким», — *Washington Times*, октябрь, 1991 год.

«Сфера искусства сталкивается со все новыми финансовыми проблемами», — *Chronicle of Philanthropy*, октябрь, 1991 год.

Как явствует из приведенных выше и многих других заголовков, появившихся на страницах американской печати, музеи в 1990-е годы оказались на перепутье перед выбором — какой дорогой следовать дальше. В 1991 году зоопарк Центрального парка в Нью-Йорке лишился 58 процентов своих ассигнований, и ходили самые угрожающие слухи о его закрытии. Бруклинский музей потерял почти 40 процентов своего текущего бюджета, то есть средства, которые он расходует на освещение своих помещений, когда его основной благодетель — город Нью-Йорк — резко сократил муниципальный бюджет. Многие задавались вопросом, удастся ли музею выжить.

В 1991 году Детройтский институт искусств, один из крупнейших и наиболее значительных американских музеев, стал закрываться на несколько дней в неделю, сократив при этом штат сотрудников почти на 40 процентов и введя официальную плату за вход — впервые после «великой депрессии». Ежедневно половина экспозиционных залов музея закрыта для посетителей, поскольку пришлось сократить число сотрудников службы по обеспечению безопасности.

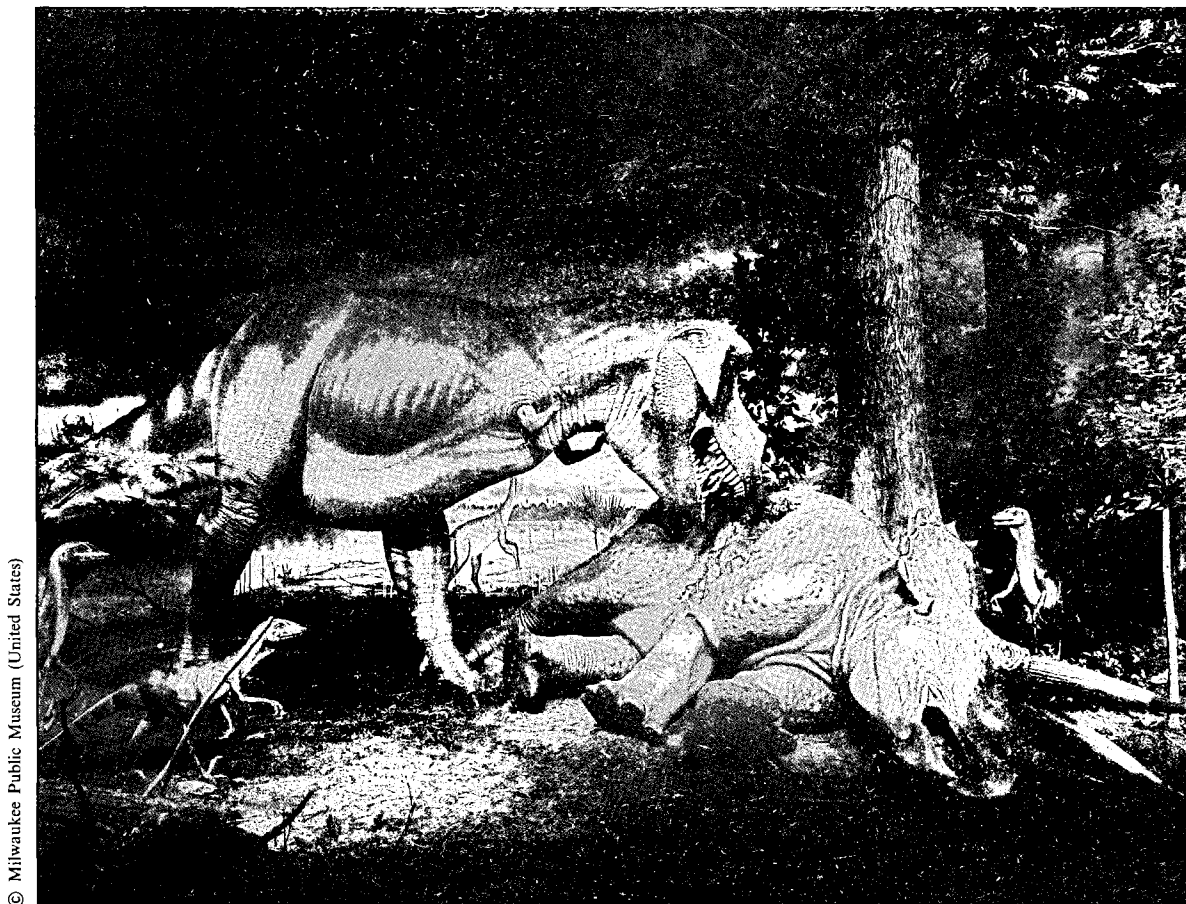
Времена меняются самым радикальным образом — в политическом, экономическом и социальном плане. Но

любая проблема имеет свое решение, и о том, как было найдено одно из них, я и хочу рассказать.

Отступление

Милуокский публичный музей имеет продолжительную историю, занесенную в анналы музейного дела. Являясь одним из основателей Американской ассоциации музеев, он известен в Соединенных Штатах своими превосходными коллекциями, тематическими исследованиями и новаторскими выставками. Как американские, так и зарубежные музеи считают Милуокский музей признанным лидером в разработке замысла экспозиций. Такие выставки, как «Влажные тропические леса», открывающие удивительные возможности для обучения, исследования и знакомства с коллекциями, были отмечены наградами и удостоены самой высокой похвалы.

Однако музей не был изолирован от реальной действительности, грозно стучавшейся в его двери, и с конца 1980-х годов он стал на деле ощущать последствия сокращения текущего бюджета. Начиная с 1988 года он уменьшился на 2,1 миллиона, что привело к свертыванию программ, сокращению услуг и — как следствие — сокращению штатов. Было ясно, что музей не мог, как прежде, полагаться на один-единственный источник финансирования. Правительственных субсидий уже не хватало, чтобы обеспечить высокий уровень деятельности музея. Приведем пример: в 1982 году текущий бюджет, за счет отчислений от налоговых сборов, выделяемых музеем его руководящим органом, округом Милуоки, достигал 4,3 миллиона долларов, что обеспечивало музею 90 процентов его бюджета. В 1991 году налоговые отчисления в текущий бюджет учреждения также составляли 4,3 миллиона долларов, но это покрывало только около 57 процентов его текущих расходов. Проблема была

© Milwaukee Public Museum (United States)

На выставке «Третья планета» вы лицом к лицу сталкиваетесь с динозаврами.

ясна как Божий день, и пришло самое время найти ее решение.

В течение нескольких лет, перед лицом печальной перспективы правительственного финансирования, обсуждалась идея обретения музеем независимости от округа Милуоки. Существовавшая структура была чересчур ограниченной, что вызывало недоверие частных инвесторов. Полная зависимость музея от одного органа была чревата катастрофой.

В 1989 году один из самых решительных и влиятельных сторонников музея, инспектор округа Милуоки Ларри Кенни, внес законопроект о создании специальной комиссии для рассмотрения альтернативных подходов к функционированию музея.

В результате проведения открытых заседаний, бесед с ведущими неформальными лидерами и изучения положения дел комиссия рекомендовала властям округа обеспечить основное финансирование в размере 4,3 миллиона долларов и создать совет

директоров, который должен был: (а) изыскивать различные источники финансирования; (в) осуществлять контроль за руководством и разработку политики и (с) контролировать финансовые вопросы.

В течение следующего года, когда процесс перемен начался, сотрудники музея всячески содействовали ему. Административный персонал способствовал поддержанию связи между государственным и частным секторами, между Обществом друзей Милуокского публичного музея и правительством округа, между сотрудниками музея и его руководством, а также между влиятельными кругами и лидерами общины. Значительная часть населения имела самое отдаленное представление о музее в целом. Многие вообще не знали, чем занимаются музеи.

Вопросы, которые мы не учли в ходе обсуждения, выросли в настоящую проблему. Они касаются пополнения коллекций, продажи музейных предметов с целью покупки более ценных

и доступа посетителей. Основная причина, побудившая нас пересмотреть всю систему руководства музеем, заключалась в стремлении сохранить его общедоступный характер, чтобы его двери были открыты для всех. Поэтому мы должны были убедить наших посетителей в том, что по своему назначению музей призван заботиться о доверенных ему предметах и памятниках материальной культуры.

К сожалению, на протяжении всего этого процесса слово «приватизация» использовалось в различных негативных его значениях. Однако именно «приватизация» могла бы ввести нас в первый сектор, сферу частной экономики, при том, что мы уже являемся частью второго сектора, государственного. Мы тем не менее предпочли некоммерческую область экономики, установив отношения партнерства между государственным и частным секторами, что считается нормой для учреждений культуры по всей стране. Однако термин «приватизация» использовался средствами массовой информации и публикой, поэтому мы по-прежнему стараемся исправить сложившееся представление.

Так или иначе, но период взаимных подозрений между государственным и частным секторами был смягчен их совместным признанием значимости происходящего процесса. Двенадцатого ноября 1991 года инспекционный совет округа Милуоки проголосовал за создание специального органа по руководству музеем. Тридцатого марта 1992 года глава исполнительной власти округа Милуоки Дэвид Ф. Шульц официально подписал документы об организации новой управленческой структуры Милуокского публичного музея.

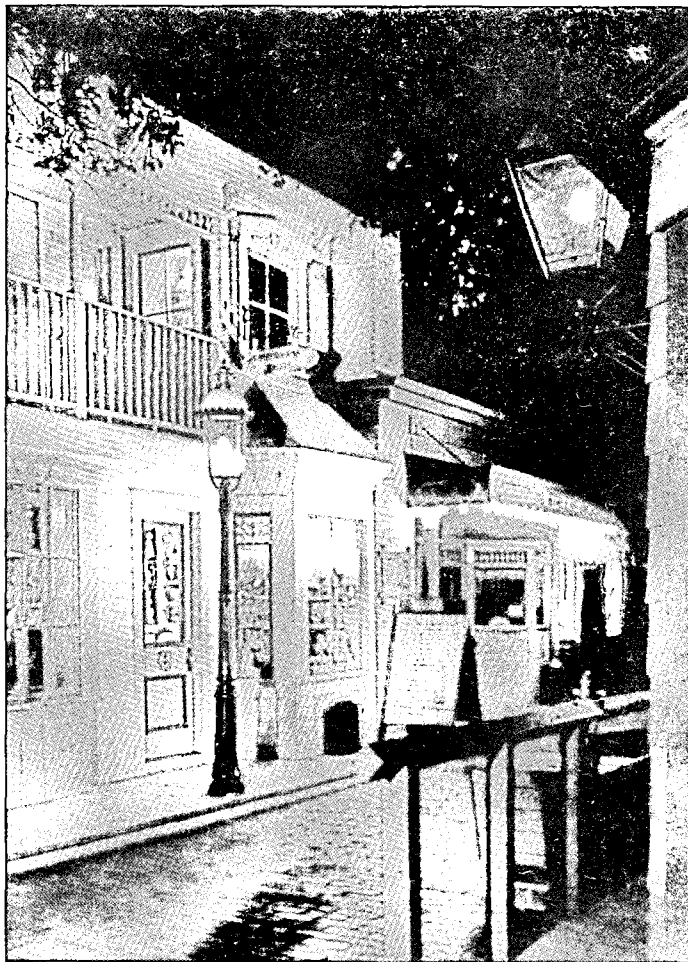
Начало настоящей работы

Получив новую форму управления, Милуокский публичный музей обрел

возможность для дальнейшего развития, но новая структура предполагала также и иную систему функционирования. Во многом это было связано с созданием организации на голом месте, с той лишь разницей, что эта организация имела 110-летнюю историю. Многие ключевые функции, которые раньше осуществлялись через округ, касающиеся, например, персонала, снабжения, фонда заработной платы и составления бюджета, были переданы музею. Набив себе поначалу в процессе работы шишки, его сотрудники быстро справились с возникшими проблемами и взялись за вы-

полнение новых для них функций.

Был также избран совет директоров, куда вошли представители деловых кругов и общественные лидеры. Все его члены были деятельны, полны энтузиазма, но оказались новичками в музейном деле. Состав совета директоров отражал этническое и культурное разнообразие Милуоки, и, естественно, у каждого его члена был свой багаж знаний о музее и его истории. Для того чтобы вывести их на общий уровень понимания вопросов музейного дела, с каждым из них проводились установочные занятия по полдня, а также встречи на их

Фотография предоставлена автором

Посетители, ступающие на «Исторические улицы старого Милуоки», совершают прыжок во времени, назад в 1890-е годы.

рабочих местах, что давало возможность поговорить об их взглядах и мнениях о работе совета и музея. Было очень важно объединить всех членов совета, чтобы каждый мог ощутить себя частью музейной семьи. После недавнего заседания совета директоров в полном его составе, продемонстрировавшего энтузиазм, стремление к сотрудничеству и преданность делу его членов, мы убедились в том, что Милуокский публичный музей находится в хороших руках.

Перемены в управлении развязали нам руки, избавив от необходимости ставить все на одну карту. В исследовании, проведенном в 1991 году «Даррил Хэнсон ассошиэйтс, инк.», сделан следующий вывод: «Мы попросили наших респондентов назвать методы, позволяющие компенсировать потерю такого источника финансирования, как округ. Ответ однозначен – для восполнения потерь от сокращения бюджета округа необходимо использовать сочетание различных методов по изысканию денежных средств». Именно этим мы и занимаемся.

Разработанная нами программа развития музея успешно осуществляется по мере проведения различных кампаний. Сегодня перед нами открылась возможность совершенствоваться в деле извлечения доходов от музейной деятельности, чему способствуют такие проекты, как создание предполагаемого центра технологий будущего и расширение экспозиции «Исторические улицы старого Милуоки» для выступлений трех авангардистских театральных трупп, декорациями для которых послужат улицы 1930-х годов.

Наш новый статус дает нам более разнообразные возможности для получения денежных средств путем осуществления такого крупного проекта, как создание театрального комплекса, или увеличения получен-

ного дохода, или привлечения новых членов в Общество друзей нашего музея, или расширения ежегодной кампании по сбору пожертвований. Отныне мы более не рассчитываем на один-единственный источник финансирования. Напротив, теперь мы можем уделять больше внимания укреплению предпринимательских сил и идей, от которых может и будет зависеть будущее нашего музея. Мы уверены, что нам удастся сочетать усилия в области предпринимательства и разнообразные виды финансовой деятельности, постоянно учитывая направления и требования грядущего столетия. Принимая во внимание, что большинство учреждений культуры страны столкнулись с резким сокращением ассигнований на их нужды и финансовыми ограничениями, перечисленные меры открывают перед ними блестящую перспективу.

Однако сама новая форма управления со всеми ее преимуществами не служит, да и не должна служить, решением проблемы. Нам следует изыскивать другие средства для достижения поставленных целей. Необходимо сотрудничество между учреждениями культуры, а не их расширение или увеличение их численности. Мы обязаны укреплять и совершенствовать работу тех превосходных учреждений культуры, которыми располагаем сегодня. Мы должны также воспитывать сильных лидеров с богатой фантазией, которые сумеют упрочить позиции нашей профессии и гарантировать как настоящее, так и будущее наших музеев.

Мы, сотрудники Милуокского публичного музея, были убеждены, что наше будущее – в наших руках. Мы искали решения и осуществляли их на практике. Хочется надеяться, что проложенная нами тропа поможет и другим музеям, как в США, так и за рубежом, сталкивающимся с аналогичными проблемами, найти их решение. ■

Возрождение Петергофа

Интервью Международного журнала "Museum"

В настоящее время Музей-заповедник «Петергоф» является одним из самых посещаемых музеев мира. А еще пятьдесят лет назад всемирно известный Петергофский комплекс дворцов и парков, находящийся в пригороде Санкт-Петербурга¹, был разрушен и разграблен гитлеровцами. О возрождении Петергофа Ирина Пантыкина, редактор русского издания Международного журнала "Museum", беседует с директором музея Вадимом Знаменовым.

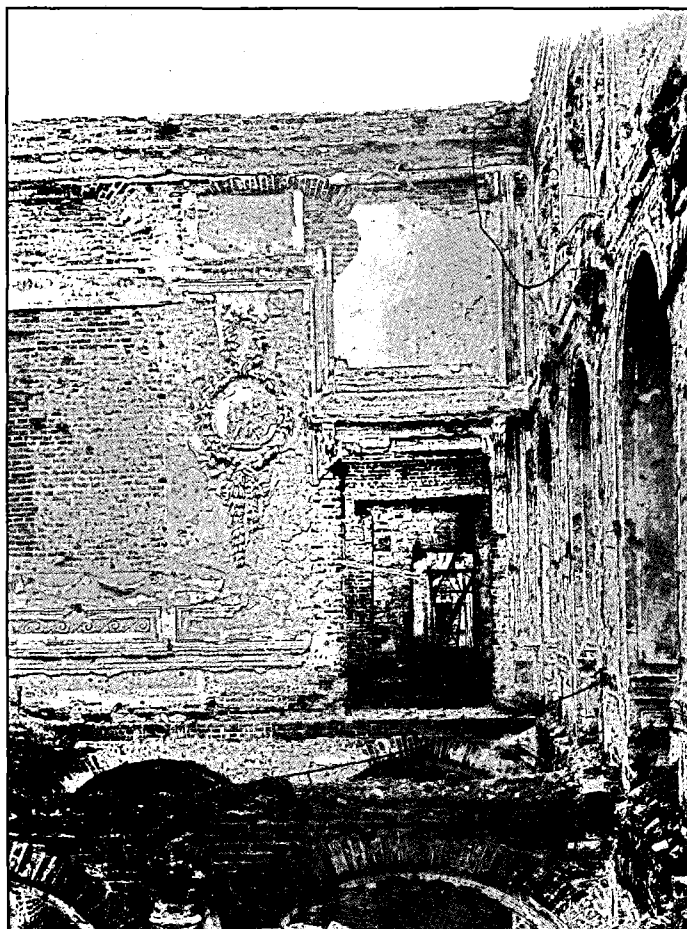
Ирина Пантыкина: В тридцати километрах от Санкт-Петербурга, в живописном месте на берегу Финского залива, находится Петергоф – всемирно известный дворцово-парковый ансамбль, замечательный памятник русского искусства XVIII века. Начало ему было положено в 1714 году, когда по приказу Петра I, пожелавшего создать недалеко от столицы летнюю парадную резиденцию, здесь стали закладывать парки и дворцы, а затем создавать систему фонтанов. Работы в Петергофе продолжались и при преемниках Петра – в XVIII и XIX веках.

Накануне второй мировой войны в Петергофе было десять дворцов-музеев, три музейных парка, 188 фонтанов. Двадцать второго июня 1941 года гитлеровская Германия напала на Советский Союз, а 23 сентября фашисты захватили тот район Петергофа, где находились дворцы-музеи и парки (к этому времени успели эвакуировать лишь часть музейных коллекций). Петергоф оказался в зоне военных действий – по его территории проходила линия фронта.

Советские войска, освободившие Петергоф в январе 1944 года, увидели страшную картину: Большой дворец лежал в развалинах, были превращены в руины многие другие постройки, выведена из строя фонтанная система, вырублены вековые деревья. Часть ценностей была похищена и вывезена в Германию. Однако реставраторам и музейным сотрудникам удалось сделать почти невозможное – восстановить дворцово-парковый ансамбль и возродить музей. Пожалуй, Вы лучше других знаете, как это происходило. По окончании исторического факультета Ленинградского университета (кафедра истории искусства) Вы были назначены главным хранителем Музея-заповедника «Петергоф», а затем стали его директором, то есть Вы всю жизнь занимаетесь возрождением музея, уничтоженного войной. Что же приносит музеям война?

Вадим Знаменов: По-моему, нет более противоположных понятий, чем музей и война. Задача музеев – сохранение памятников истории и культуры человечества, война же связана с разрушением, уничтожением. Поэтому, когда на Нюрнбергском процессе подводились страшные итоги второй мировой войны, уничтожение культурных ценностей, музеев стало одним из самых ярких свидетельств вандализма и античеловечности фашизма. В списке уничтоженных ценностей фигурировали и пригороды Ленинграда, в том числе Петергоф. В обвинительном за-

Фото: Музей-заповедник «Петергоф»

*Тронный зал
Большого
дворца,
разрушенный
во время войны
(фрагмент).*

ключении была высказана очень верная, с моей точки зрения, мысль, что с гибелью пригородов Ленинграда человечество стало беднее. Эта фраза засела в голове у меня, мальчишки: беднее стал и я, и моему духовному миру был нанесен ущерб. Когда сразу после снятия блокады я с мамой вернулся из эвакуации в Ленинград, то вместо знаменитых пригородов увидел развалины. О том, что было здесь раньше, я мог узнать только по рассказам, фотографиям, описаниям в мемуарах.

И. П.: Вероятно, в то время с трудом верилось, что когда-нибудь удастся возродить Петергоф из руин?

В. З.: Были люди, считавшие, что все погибло безвозвратно. Многие полагали, что невозможно возродить петергофские музеи, и, например, когда после войны обсуждалась проблема восстановления Большого дворца, некоторые предлагали устроить в бывшем дворце клуб, дом культуры, ресторан. Был даже разработан такой проект. Однако существовали другие люди, убежденные, что без возрожденного Павловска, Царского Села, Петергофа не будет русской культуры. И эти люди действовали. Для меня всегда был примером Анатолий Кучумов, главный хранитель Павловского дворца-музея, которого я считаю своим учителем. Ему мы обязаны существованием, наверное, лучшего в России дворца-музея. Его подвиг – возрождение Павловска – вдохновил нас.

И. П.: Кучумов вместе со своими коллегами действительно совершил подвиг. Ведь с января 1941 года по январь 1944 года Павловск находился в зоне, оккупированной фашистами. При отступлении гитлеровцы подожгли дворец, и тем не менее уже в 1957 году было открыто для публики несколько залов музея, а в 1970 году завершено восстановление всех 45 залов, имеющих художественную отделку. Анатолий Кучумов,

несомненно, относится к числу самых выдающихся музейных работников мира. Но вернемся к Петергофу. С чего началось его восстановление?

В. З.: Конечно, восстанавливали Петергоф и заново создавали музей реставраторы и музейные сотрудники. Но существуют очень трогательные фотографии 1944 года, свидетельствующие о том, что сразу же после изгнания из города оккупантов, когда в нем еще не было ни музейных сотрудников, ни реставраторов, освободившие Петергоф солдаты занялись восстановительными работами. Они собирали фрагменты архитектурных деталей, выкапывали и устанавливали мраморные и бронзовые скульптуры, спрятанные в земле и, к счастью, не обнаруженные гитлеровцами, засыпали противотанковые рвы, расчищали завалы деревьев, убирали деревья-угрозы, которые погибли во время боев и стояли огромными нависающими громадами. Я видел потом многих из тех солдат – они приезжали в Петергоф, убитые сединами, и с гордостью рассказывали о своей работе. Я вовсе не склонен идеализировать солдата любой воюющей стороны. В условиях войны могут возобладать античеловеческие инстинкты и солдат может потерять человеческий облик, причем особенно звереют те, кто развязывает войну. И повсюду, где проходят военные действия, страдают музеи. Но солдатам, восстанавливавшим Петергоф, было ясно, что война – это нечто временное, а культура – вечна и музей должен быть сохранен. Я не готов сказать, что каждый из них понимал это до конца, но знаю – каждый участвовал в восстановлении Петергофа с энтузиазмом.

И. П.: А может быть, у большинства это было проявлением тяги к мирному труду, к созиданию, стремлением восстановить разрушенное войной? Ведь столько городов в стране лежало в руинах, столько деревень

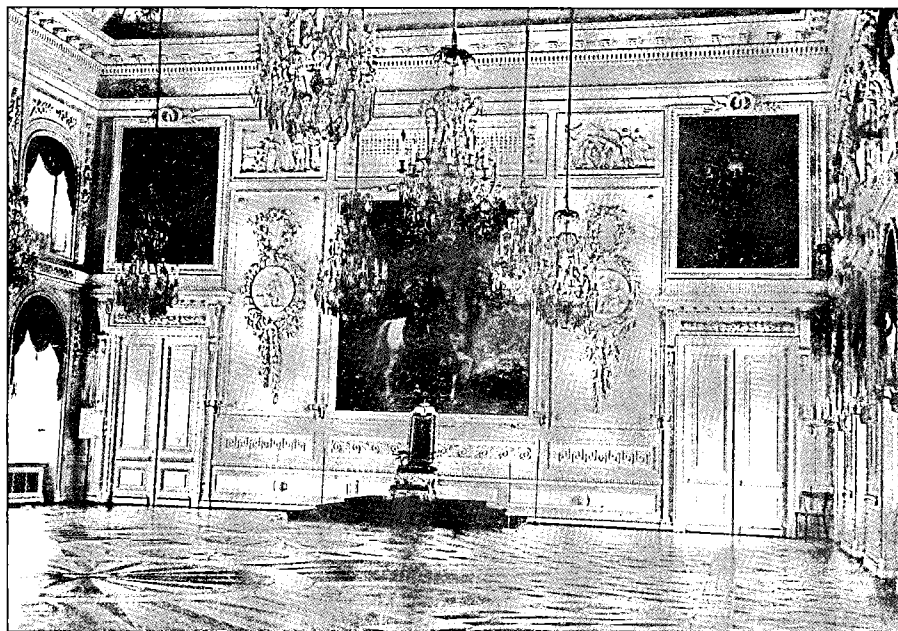

Фото: Музей-заповедник «Петергоф»

было сожжено! К тому же Петергоф был гордостью России.

Стоит также вспомнить, что после освобождения Петергофа на долю солдат выпала сложная и опасная работа по разминированию парков, зданий и даже развалин – все было усеяно минами. При их обезвреживании погибло немало воинов. Важно сказать и о том, что в работе по расчистке парков, разбору завалов, засыпке траншей участвовали жители и самого Петергофа, и Ленинграда. Но расскажите, пожалуйста, о работе профессионалов – музейных работников и реставраторов.

В. З.: Вернувшиеся в Петергоф музейные сотрудники стали собирать архитектурные детали, остатки экспонатов. Не осталось ни одного целого дома, поэтому в развалинах отгораживали уголки и там устраивали хранилища, кабинетки, где можно было обогреться. Но дожили до лета, а там через год и победа. Возрождение Петергофа стало государственной задачей. Уже в 1946 году восстановили и пустили боль-

шую группу фонтанов в Нижнем парке, бывшем душой Петергофа. В 1947 году вернулся на место *Самсон*.

И. П.: Остановитесь, пожалуйста, на этом чуть подробнее. Ведь не все наши читатели знают, что созданный скульптором М. Козловским в 1802 году знаменитый *Самсон*, являвшийся олицетворением мощи Российского государства, был похищен фашистами.

В. З.: Скульптор В. Симонов по фотографиям, изображениям на гравюрах и картинах сделал модель, максимально приближенную к утраченному оригиналу. Как я уже сказал, в 1947 году скульптурная группа была установлена на прежнем месте, фонтан заработал и поднял ввысь великолепную двадцатиметровую струю. Но для этого потребовалось закопать противотанковые рвы, соединить разорванные и заменить разрушенные трубы. А надо сказать, что в XVIII веке специально для *Самсона* от дальних прудов проложили два километра чугунных труб,

Тронный зал после восстановления.

так что работа была совсем не простой.

И. П.: А как велось восстановление дворцов и музеев?

В. З.: Первым возрожденным музеем Петергофского ансамбля был Эрмитаж – здание, строившееся для Петра I, хотя и законченное после его смерти в 1725 году. Во время войны гитлеровцы установили на втором этаже Эрмитажа орудие и стреляли по судам, проходившим по Финскому заливу. Взрывы раскачали здание и выбили часть стены. Потребовалось заложить стену и произвести необходимые реставрационные работы, после чего в 1952 году Эрмитаж распахнул свои двери для посетителей. Затем начались работы в Монплезире, в Большом дворце, первые залы которого открылись для осмотра в 1954 году, и в других дворцах. В 1977 году завершились работы по Коттеджу, еще через пару лет открылся дворец Марли, затем Екатерининский корпус дворца Монплезира.

И. П.: Для того чтобы открыть музей, недостаточно восстановить здание – нужны экспонаты. Из Петергофа удалось эвакуировать далеко не все, и многие экспонаты погибли или были похищены. Однако те, кому довелось побывать в Петергофе, видели там прекрасные музейные здания с богатыми экспозициями. Как свершилось это чудо?

В. З.: Основная заслуга моих коллег и моя – это собирательская работа. В войну мы потеряли десятки тысяч великолепных экспонатов: что-то, возможно, было похищено оккупантами, что-то разрушилось на месте, сгорело при пожаре дворцов. У нас есть комната – мы между собой называем ее моргом, – где лежит то, что удалось собрать на территории: оплавленные хрустальные вазы, превратившиеся просто в куски хрусталя, искореженные куски металла, предметы, ставшие под действием

пожара или взрыва бесформенной массой, разбитая керамика и т. д. Некоторые вещи сохранились настолько, что их можно было отреставрировать и вернуть в строй, но десятки тысяч экспонатов отсутствовали. Чтобы создать во дворцах экспозиции и сделать элементарный запасник, надо было начинать собирательскую деятельность. Кстати, вновь нельзя не вспомнить Анатолия Кучумова, который показал своим трудом, что восстановление экспозиции возможно. И хотя у нас в Петергофе еще лежали развалины, а залы, приведенные в порядок, оставались пустыми, уже был Павловск. Он был не только у Кучумова, не только у Анны Зеленовой (замечательного директора Павловского музея, много сделавшего для его возрождения), не только у сотрудников Павловского музея, а у всех нас. И мы гордо могли сказать, что, несмотря на войну и разрушения, у нас есть Павловск с его великолепными залами, с предельно возможной точностью восстановленными интерьерами, блестящей коллекцией.

И. П.: Да, я вспоминаю, что когда я работала в Советском комитете ИКОМ и мы проводили в Ленинграде международные конференции, то всегда показывали нашим зарубежным коллегам пригородные дворцы-музеи. И я испытывала точно такое же чувство гордости за то, что у нас в России есть великолепные восстановленные из руин, возрожденные музеи.

В. З.: Так вот, Анатолий Кучумов увлек тогда своим примером и многому научил молодых музейных сотрудников моего поколения. Мы начали собирать коллекцию. Было очень трудно: не хватало денег, недоставало знаний, мы ошибались, но на ошибках и научились чему-то. Нам удалось вернуть в Петергоф десятки тысяч музейных предметов.

И. П.: Простите, повторите, пожалуйста, цифру.

В. З.: Нет, я не оговорился, именно *десятки тысяч* музейных предметов, соответствующих тому, что было в Петергофе раньше. Так, мы утратили сервиз, а он был огромный, и часть его когда-то продали. К счастью, мы смогли выкупить предметы из нашего сервиза и вернуть их на столы в музей. Или стоял некогда в Большом дворце огромный, в триста стульев, гарнитур красного дерева. Еще до войны часть стульев вывезли из дворца, а те, что оставались в нем, погибли. Нам удалось вернуть около 120 стульев, и этими подлинными стульями сейчас обставлены два зала Большого дворца. Дело в том, что в царских дворцах Петергофа или Царского Села вещи не были жестко привязаны к интерьеру, то есть сегодня гарнитур мог стоять в каком-то зале Петергофского дворца, а затем его по велению императора отправляли в Москву, например в Кремлевский дворец, где надо было обставить какое-то помещение для коронации, а потом возвращали, но уже не в Петергоф, а, скажем, в Гатчину. Так вещи путешествовали. Поэтому предметы, бытовавшие когда-то в Петергофе, мы обнаруживали в других дворцах. В иных случаях, когда нам не хватало какого-то предмета, мы находили ему подходящую замену. Ведь дворец имеет комнаты определенного назначения. И вот, например, нам нужен для кабинета письменный стол, а он погиб. Тогда мы отыскивали очень близкий к нему аналог, изготовленный в то же время, приобретали его и ставили в музей. Нам удалось собрать обширнейшую коллекцию, что позволило не только создать экспозиции, но и комплектовать выставки, с успехом демонстрирующиеся в разных странах.

Собирательская работа была с музейной точки зрения особенно важной – ведь здание можно возродить просто как памятник, но в Большой

дворец Петергофа идут потому, что в нем музей. В возрожденном Петергофе бывает в год от пяти до шести миллионов человек – это один из самых посещаемых музеев мира.

И. П.: А хорошо ли это? Ведь подобная посещаемость наносит вред памятнику и экспонатам. В таких условиях невозможно поддерживать необходимый температурно-влажностный режим и следить за тем, чтобы экспонатам не был причинен ущерб.

В. З.: Разумеется, большая посещаемость имеет свои положительные и отрицательные стороны. Я не буду сейчас углубляться в эти проблемы, а скажу лишь, что стремление людей побывать в Петергофском музее вызывает у нас уважение к собственному труду: значит, не зря мы работали. Мне не страшно умирать, потому что останется что-то, сделанное мною.

И. П.: Если говорить о Вашем вкладе, то я знаю, что Вы принимали участие в завершении восстановления экспозиций Большого дворца, Монплезира и Эрмитажа, начатого до Вашего прихода в музей. И уже от начала до конца Вы вместе со своими коллегами создали экспозиции Коттеджа, Марли, Екатерининского корпуса Монплезира, дворца Петра I в Стрельне, ряд других экспозиций в Петергофе, организовали Музей семьи Бенуа. И в большинстве своем Ваша работа была своеобразной борьбой с войной, не так ли?

В. З.: Да, но, хотя сделано очень много, работы все равно непочатый край. К сожалению, следы войны еще видны кругом, и кажется, что этому не будет конца. Слишком велик Петергоф, слишком много в нем памятников – это десятки зданий, сооружений паркового типа, фонтанов – и, вероятно, понадобится много десятилетий тяжелого, кропотливого труда, чтобы покончить хотя бы с основными бедами. Многие

еще надо восстанавливать, а уже нуждаются в реставрации те здания, которые были восстановлены после войны. Жизнь все время ставит перед нами сложные проблемы. Вот, скажем, начинаем мы делать гранитный «Львиный каскад» с его гигантскими колоннами, а каменоломен этих уже не существует, значит, надо подбирать гранит, который хотя бы воспринимался как аналогичный. И такие неординарные задачи нам приходится решать постоянно. И все это – результат войны. На мой взгляд, музей – один из важнейших элементов человеческой культуры. Разрушение музея войной – это убийство живой ткани общества. Именно поэтому в числе тех, кто выступает против войны, – музейные работники. В то же время мы знаем о многих подвигах музейных работников, которые погибли, спасая музейные ценности. Во время второй мировой войны такое происходило и в Советском Союзе, и в Германии.

И. П.: То, что Вы и Ваши коллеги уже сделали и продолжаете делать

в Петергофе, – это чудо. Я знаю, что многие, особенно представители молодого поколения, отмахиваются, когда им напоминают о войне. Но, на мой взгляд, в Петергофе и в музеях других пригородов Санкт-Петербурга стоит больше рассказывать посетителям о том, какой ущерб нанесла музеям война и что сделано для их возрождения. Может быть, если люди станут чаще задумываться об этом, в будущем не возникнет необходимости восстанавливать музеи из руин². ■

Примечания

1. Город, основанный Петром I: в 1703–1914 годах носил название Санкт-Петербург; в 1914–1924 годах – Петроград; в 1924–1991 годах – Ленинград. В 1992 году городу было возвращено его историческое название Санкт-Петербург.

2. См.: Б. Б. Пиотровский, «Восстановление дворцов-музеев Ленинграда» (*Museum*, № 147, 1985 год).

«Аппетит» на историю

Нэнси Фрейзьер
(Nancy Frazier)

В № 174 журнала *Museum* Кеннет Хадсон дал высокую оценку успехам многих музеев, созданных одним человеком, в которых «правила почти ничего не значат, а основная ставка делается на притягательность и интерес». Одним из них является Архив и музей кулинарного искусства при Университете Джонсона и Уэльса в Провиденсе (Род-Айленд, США), который обязан своим появлением страстному увлечению одного известного шеф-повара. О них и рассказывает Нэнси Фрейзьер, издатель информационного бюллетеня *Museum Insights*, выходящего раз в два месяца, и автор нескольких путеводителей по музеям Северной Америки.

«Я венгр по рождению, американец по собственному выбору и житель Чикаго милостью Божьей», — однажды сказал корреспонденту Луи Сатмари. Однако в этой исключительно краткой биографии ни словом не упоминается о его генетической страсти к коллекционированию, а также о том, что предметы, собранные им с такой любовью, сегодня составляют основу, возможно, крупнейшего в мире музея кулинарного искусства, находящегося в Университете Джонсона и Уэльса в Провиденсе (Род-Айленд).

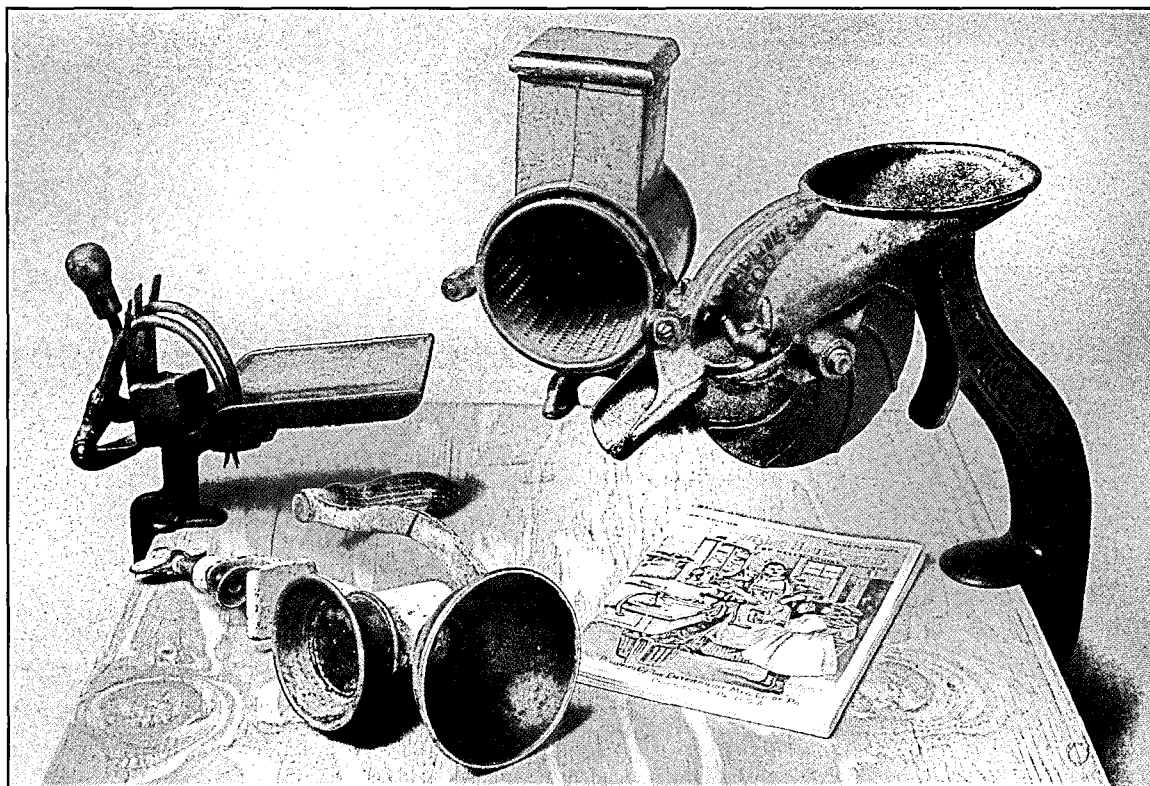
«Коллекционирование как болезнь поразило нашу семью, — сказал мне Сатмари. — Когда я впервые попал в магазин «Мэгз бразерз» (букинистический), что на Баркли-сквер в Лондоне, мне там сообщили, что они хорошо знали моего отца, деда и даже прадеда». Недавно у нас с Сатмари состоялась встреча за ланчем в Спрингфилде (Массачусетс). Он возвращался домой в Чикаго после выступления в Дартмут-колледж, где проходила выставка *The Beautiful Books of Hungary, 1473–1992* («Прекрасные книги Венгрии, 1473–1992»), организованная на основе его личной библиотеки.

Во время ланча к нашему столику подошел владелец ресторана, держа в руке потрепанную *The Chef's Secret Cook Book* («Книгу кулинарных секретов шеф-повара»). «Это вы?» — спросил он, показывая на сияющее от удовольствия лицо, улыбавшееся нам с обложки книги. Это было лицо моего собеседника, с теми же длинными, закрученными вверх усами, но с той лишь разницей, что человек, сидевший передо мной, был на двадцать лет старше и на нем не было белого колпака. «Для меня большая честь видеть вас в моем ресторане, — радостно сказал его владелец. — У нас бывают художники, писатели, люди из театрального мира, но такие выдающиеся личности, как вы, — редкие гости».

Знаменитость, сидевшая перед ним, был не кто иной, как всем известный шеф-повар Луи. Он завоевал популярность среди специалистов пищевой промышленности и широкой публики не только как автор кулинарной книги и владелец замечательной библиотеки, но и как хозяин и шеф-повар ресторана-пекарни в Чикаго, который он создал в 1962 году.

Луи Сатмари родился в Будапеште в 1919 году. Он получил докторскую степень по психологии в Будапештском университете. В 1951 году по пути в Соединенные Штаты он вдруг решил, что хочет открыть собственный ресторан. Однако свою карьеру в США он начал с мытья посуды и приготовления самых незамысловатых блюд. Его профессиональный послужной список открывается четырьмя годами работы в качестве шеф-повара ордена иезуитов в Норуолке (Коннектикут). По мере того как он набирался опыта и добивался успехов, он освоил еще несколько профессий. Число работников его пекарни выросло до шестидесяти, и Сатмари купил здание, в котором сначала арендовал помещение. Ресторан расширился, занимая нижние этажи, а коллекция заполняла комнаты наверху до тех пор, пока в 1989 году в возрасте семидесяти лет Луи Сатмари не решил закрыть ресторан и «закопать свою картофелечистку». Ну, конечно, не совсем закопать. Просто он расстался с ней, как и с другими своими сокровищами.

Сегодня библиотека Сатмари поделена между четырьмя американскими учреждениями. Десять тысяч томов венгерской литературы находятся в Университете штата Индиана. Чикагский университет получил двенадцать тысяч книг из его собрания венгерских справочников. Университет штата Айова владеет двадцатью тысячами кулинарных книг и других изданий, посвященных еде. Кроме того, здесь приступили к

По часовой стрелке сверху вниз: немецкая дробилка для орехов, XIX век; американская машинка для удаления косточек из вишен, 1880 год; венская мельница для измельчения маковых семян, около 1920 года; американская двоянная машинка для удаления косточек из вишен, около 1910 года.

публикации книжной серии по кулинарному искусству "The Iowa Szathmari Culinary Arts". (Первой в этой серии в начале 1992 года вышла ранее не печатавшаяся рукопись Нельсона Ольгрена, автора книги «Человек – золотые руки». Труд Ольгрена, озаглавленный «Америка ест», был написан в конце 1930-х годов для проекта «Писатели Иллинойса», осуществлявшегося в рамках программы общественных работ.)

Однако значительная часть коллекции Луи Сатмари – со временем она приобрела разнородный характер, поскольку в нее входили как произведения искусства, так и разнообразные кухонные принадлежности, – составляет основу Архива и музея кулинарного искусства в Провиденсе, где хранится более восьми тысяч книг и рукописей о еде, а также:

- Десять тысяч брошюр. Они прилагались когда-то к различным устройствам и приборам, а также продуктам питания, начиная от кухонных плит и кончая изделиями из дробленого зерна. В них содержатся инструкции по эксплуатации первых и использованию вторых, включая некоторые рецепты. Моя любимая брошюра относится к 1916 году и рассказывает о «самом популярном в Америке десерте» – «Джелло», фирменном концентрате желе. Изображенные на ее обложке невеста и под-

ружка невесты являют собой последнее слово кружевной элегантности. «Джениси пьюа фуд компани» Ле Роя из Нью-Йорка, производившая «Джелло», продавала также порошок для изготовления мороженого. «Александр Македонский с удовольствием вкушал замороженный продукт, который мало чем отличался от нашего льда и шербета, но ему так и не посчастливилось испытать восторга от мороженого. Даже наши бабушки были, как правило, лишены этого наслаждения», – читаем мы рекламу в брошюре. Цветная фотография на развороте брошюры воспроизводит весь цветовой спектр шербета.

- Шесть тысяч торговых ярлыков – красочных, как правило, размером с игральную карту картинок, на которых, например, мог быть изображен пухленький жизнерадостный ребенок, рекламирующий пекарский порошок.

- Десятки тысяч иллюстраций. Самой забавной из них является гравюра 1864 года, на которой изображена сцена в зале стационарного ресторана. На переднем плане богатые клиенты весело вкушают трапезу, а на заднем – менее обеспеченные пассажиры мрачно смотрят на них. Гравюра иллюстрирует происхождение слова *tip* (чаевые), которое образовано из начальных букв слов *To*

Improve Promptness (повышать расторопность). В то время чаевые вручали до еды, и чем больше были чаевые, тем быстрее обслуживался клиент.

- Двадцать две тысячи почтовых открыток со всего мира, исторических документов, меню, рецептов, журналов и т. п.

Народная культура

«Собрав около десяти тысяч кулинарных книг, я начал собирать журналы и обнаружил, что в каждом журнале XIX века по домоводству отводилось от шестнадцати до тридцати двух страниц на ответы на вопросы читателей, — сообщил мне Луи Сатмари. — Они интересовались рецептами, но рецептами тех блюд, которые люди готовили дома, а не тех, которые можно найти в поваренной книге. Кулинарные книги не могут дать ответы на все вопросы. Подписчица интересовалась, например, как приготовить кролика, потому что ее муж принес домой шесть кроликов. Или пару фазанов». Знакомство со старыми журналами стало для него настоящим откровением и по другой причине: «Читая журналы, я сделал для себя открытие, узнав, как в действительности выглядели кухни того времени».

Вся собирательская деятельность Сатмари определялась его интересом к народной культуре, чем объясняется также его пристрастие к аукционам, лавкам старьевщиков и распродажам домашних пожитков на дому, а также к антикварным магазинам и антикварам («Когда мы подсчитали, то оказалось, что за тридцать лет я встречался с тысячей антикваров»). Разнообразие предметов, представленных в экспозиции музея при Университете Джонсона и Уэльса, отражает эклектичность его подхода как коллекционера. Здесь, например, можно увидеть кисточку из гусиного пера для намазывания

масла на яблочный струдель; набор приспособлений для измельчения всевозможных продуктов — от мяса до маковых семян; сотни палочек для помешивания напитков и коллекцию тостеров, по которой можно проследить, как с течением времени менялась их конструкция и оформление. Богатое собрание вилок, начиная с однозубой, дает представление об истории сервировки обеденного стола и о правилах поведения во время еды. Здесь встречаются также машинки для удаления косточек из вишен и сердцевинки яблок. Машинка двойного назначения для удаления косточек и разрезания оливок, сделанная в Италии в 1950—

1960-е годы, была, должно быть, специально создана для любителей мартини.

Кухонная посуда, а также кое-какое оборудование из ресторана-пекарни вызывают у бывших его владельцев милые сердцу воспоминания. Особенно сильное впечатление производит красивый массивный европейский глухой бар из темного, покрытого лаком дерева. Выполненный в стиле «ар деко», бар был сделан перед самым введением «сухого закона» (1920 год), поэтому никогда не использовался, но именно такой искал шеф Луи, когда открывал свой ресторан. Бар уступили ему при ус-

© Stephen Spencer

Увеличенная фотография графического произведения XVI века, на которой изображен турецкий повар в рабочей одежде.

ловии, что он сам перевезет его. Задача оказалась не из легких. В очередной раз его перевезли уже на территорию университета, и теперь его украшает подлинная оплетенная бутылка для вина времен Гражданской войны, а также другие исторические бутылки для виски и вина. Что касается временного охвата экспонатов, то древнейшими предметами в коллекции являются бронзовые ножи, датируемые третьим тысячелетием до н. э., а также ложки из Египта, Древнего Рима и с Востока, возраст которых превышает тысячу лет.

Самыми замечательными предметами этой удивительной коллекции являются автографы американских президентов, оставленные ими на документах, связанных с едой. Джордж Вашингтон собственноручно составил список столового фарфора, доставшегося ему в наследство. Сохранился также экземпляр рекламного объявления, помещенного Вашингтоном в одной газете: «Президенту Соединенных Штатов требуется повар. Просим не утруждать себя тех, кто не достиг совершенства в своей профессии и не может представить бесспорные доказательства серьезного, добросовестного и внимательного отношения к своим обязанностям». Здесь можно увидеть письмо Абрахама Линкольна и приглашение на дружеский президентский обед в Белом доме, написанное Мэри Тодд Линкольн. В коллекции хранятся оплаченные президентами счета и записка президента Улисса С. Гранта к жене с просьбой прислать в его кабинет две бутылки шампанского перед самым его выступлением в конгрессе с докладом о положении страны.

Еда и политика

Коллекция Университета Джонсона и Уэльса насчитывает не менее 63 800 единиц хранения. В настоящее время

они находятся в экспозиции, размещенной в огромном складском помещении площадью пятнадцать тысяч квадратных футов (1394 м²). Хотя оно оборудовано системой кондиционирования воздуха, а работы, выполненные на бумаге, защищены паспорту, сделанными из бескислотных материалов, условия хранения экспонатов нельзя назвать идеальными. Строительство музейного здания с искусственным климатом, специально спроектированного для данной коллекции, — дело будущего. А пока в штате музея всего один оплачиваемый работник, Барбара Кук, которая была помощницей Сатмари в пекарне. В работе с экспозицией ей помогают студенты, которые также пишут этикетки и выполняют обязанности экскурсоводов. И хотя музей находится в стадии становления, он привлекает простотой представления материала и в то же время увлекает посетителей, которые испытывают здесь чувство первооткрывателей.

Я была поражена, насколько интересным оказался взгляд на политику, преломленный сквозь призму той роли, которую играет еда. Луи Сатмари особо выделил этот момент, когда описывал один из своих трофеев — официальный документ XV века, согласно которому венгерский король Маттиас Справедливый (1458–1490) даровал всем жителям одной деревни дворянство, освободив их таким образом от обязанности платить налоги. По какой причине? Просто двое личных шеф-поваров его матери, мастерством которых она была очень довольна, были родом из этой деревни.

Приготовление еды и обычный рацион питания какой-либо общности людей в конкретный период времени дают бесценные сведения для понимания народной культуры. Именно в этом контексте Сатмари видит предназначение своей коллекции. «Я хочу сказать одно: люди, не упускайте последний шанс и немедленно

приступайте к сбору кухонной посуды своей страны, а также технических новинок, например особых тесаков и сита. Обязательно сфотографируйте свою бабушку, когда она священнодействует на кухне, запечатлейте на пленке кастрюли и сковороды. Если в вашей местности по-прежнему забивают свиней, то необходимо заснять, как это делается; фиксируйте все кулинарные традиции. Запишите, какие травы используются, как обрабатывают рыбу, как готовят барашка...» Вот с какими словами Луи Сатмари хотел бы обратиться ко всему миру. Он хорошо усвоил одну истину — в этой жизни постоянны только перемены, а неотъемлемым свойством перемен является неотвратимость дальнейших перемен.

Конечно, и его жизнь изменилась. По прошествии 27 лет он отошел от дел, оставив должность шеф-повара ресторана-пекарни, но почти каждый месяц он отправляется из Чикаго в Провиденс, чтобы поработать со студентами и узнать, как обстоят дела в музее. Продолжает ли он заниматься коллекционированием? «Случается, — говорит он с видом человека, уличенного в нарушении клятвы, — если попадается что-то... перед чем я не могу устоять».

Или когда экспонаты сами плывут к нему в руки. Перед уходом Сатмари из ресторана в Спрингфилде его владелец подарил ему два сувенира — миниатюрную стеклянную кружку для пива и меню, которые в ближайшем будущем займут свое место в Архиве и музее кулинарного искусства в Провиденсе.

Архив и музей кулинарного искусства при Университете Джонсона и Уэльса находится по адресу: 315 Harborside Boulevard, Providence, RI 02905, telephone: 401-455-2805. Поскольку у музея еще нет официальных часов работы, гостей просят позвонить заранее, чтобы согласовать время его посещения. ■

Музей воды «Водолей»

Герд Мюллер
(Gerd Müller)

Превратить хранилище для воды в кладезь знаний — такая смелая задача стояла перед городом Мюльгейм-на-Руре в Германии. Местная служба, отвечающая за водоснабжение города, взяла на себя руководство созданием учреждения, которое со временем получило признание как центр знаний, рассказывающий посетителям об охране воды и окружающей среды. Автор статьи с 1978 по 1987 год был председателем совета директоров Rheinisch-Westfälische Wasserwerksgesellschaft (Рейн-вестфальского управления водоснабжения), а с января 1988 года является его директором. Он также руководит Институтом химии воды и гидротехники земли Северный Рейн-Вестфалия при Дуйсбургском университете.

Без воды нет жизни. В промышленно развитых странах вода расходуется бездумно, поскольку водопользование здесь воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Музей воды «Водолей» пытается довести до нашего сознания всю значимость воды для человечества и привлечь внимание общественности к бесспорной необходимости сохранения водных ресурсов.

Музей разместился в бывшей водонапорной башне. По мере того как, спускаясь сверху вниз, посетители знакомятся с экспозицией, они получают возможность проследить путь, который проходит водный поток от истоков до устья реки, от уровня молекулы до бескрайних просторов Мирового океана. Здесь не только рассматриваются научный и экологический аспекты воды, но и нашла отражение ее мифологическая и эстетическая значимость. Вода представлена как опыт, как источник жизни и болезней, как пространство, где люди трудятся и отдыхают, как стихия, ставшая предметом богатейшего мифотворчества, и в меньшей степени — как среда, ставшая перед нами важные экологические проблемы.

Знакомясь с водным разделом, называемым «Аквасфера», посетители испытывают все ощущения, связанные с водой. Научные эксперименты смоделированы таким образом, чтобы передать гипнотическую силу, которую соединение H_2O имеет для химиков и физиков. Следующий раздел знакомит с грунтовыми водами, гейзерами и подземными реками, а также рассказывает о недавно открытых микроорганизмах, обитающих в подземных водоемах. Понятие «источник» как нельзя более подходит для того, чтобы проследить роль и значение воды для мифотворчества, создания саг, сказок, а также для искусства. Ручей, представленный таким, каким он встречается в природе, но в жизнь которого уже вмешался человек, открывает

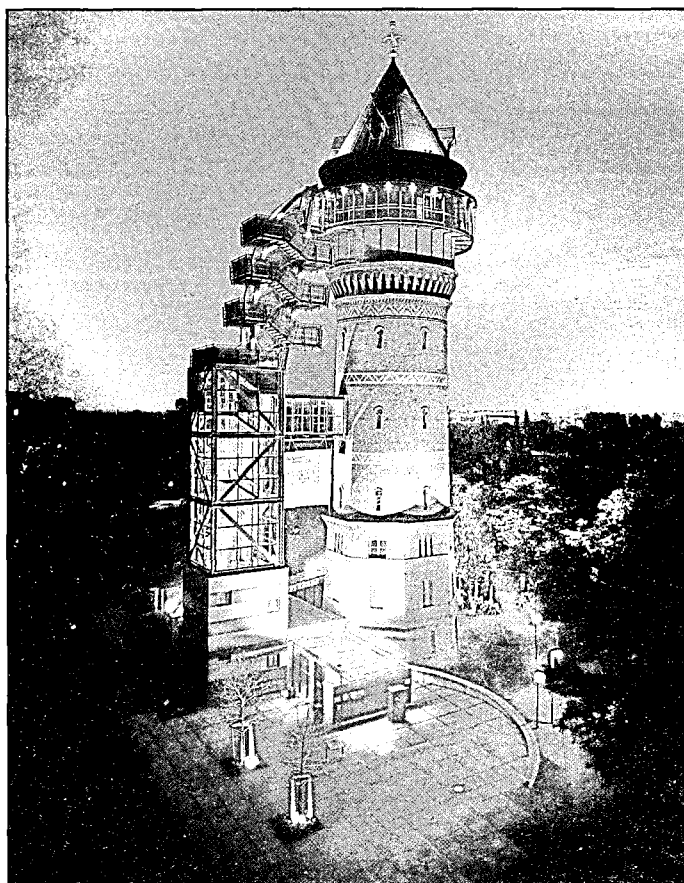
экологическую часть экспозиции музея. Удачным контрастом этому служат сцены купания, переносящие нас в различные эпохи и цивилизации, рассказывающие о воде как об источнике забавы и веселья. Колодец, давно утративший практическую значимость для жителей промышленно развитых стран, напоминает нам о том, что он не только служил местом встреч, где обменивались новостями, и основным элементом, объединявшим данную общину, но и являлся символом ее богатства и могущества, что находило выражение в его художественном оформлении.

С наступлением эпохи индустриализации появились новые, самые разнообразные способы использования воды; строились каналы, по которым проходили торговые пути, вода стала источником энергии, средством производства и приобрела исключительно важное значение для новых плотно населенных промышленных центров. Один из разделов экспозиции знакомит с тем, как возводились плотины, прокладывались каналы и строился водопровод в Европе в XIX веке. Здесь же представлена современная компьютерная техника, позволяющая спроектировать плотину, а также система водопровода, смоделированная по примеру диспетчерской системы водоснабжения. Для того чтобы продемонстрировать посетителям, как решается проблема использованной и загрязненной воды, им предлагается пройти через точную копию сточной трубы к модели установки по переработке сточных вод. В конце экспозиции посетителям предлагается игра на тему опасностей, угрожающих гармонии экосистемы и приводящих к загрязнению чистой воды.

Почему музей воды?

Руководство музеем осуществляется местным Управлением водоснабже-

Фотография предоставлена автором

Старый исторический памятник предстает во всей своей красоте благодаря его наружной подсветке в вечернее время.

ния Мюльгейма-на-Руре (Rheinisch-Westfälische Wasserwerksgesellschaft mbH (RWW)), которое обеспечивает водой один миллион жителей, а также местную торговлю и промышленность Западного Рура, одного из наиболее плотно населенных и промышленно развитых регионов мира. Кроме того, оно отвечает за водоснабжение обширного сельскохозяйственного района, расположенного к северу и тянущегося до границ с Голландией. Компания была создана более восьмидесяти лет назад, она живет интересами региона и его жителей, чем и объясняется организация такого учреждения культуры, как музей.

Музей воды «Водолей» разместился

в водонапорной башне, построенной более ста лет назад. Переоборудование старой башни с ее специфической конструкцией и архитектурой под музей стало заметным событием в развитии города. Что касается Управления водоснабжения, то руководство музеем является одним из направлений его деятельности, призванной привлечь внимание общества к жизненно важной необходимости охраны воды.

Водонапорной башней, где хранилось пятьсот тысяч литров воды на высоте почти пятьдесят метров, перестали пользоваться в середине 1980-х годов. В то время как звучали предложения объявить башню памятником промышленной архитектуры, Управление водоснабжения вынашивало идею создания экспозиции, чтобы восполнить очевидную нехватку знаний по вопросам, связанным с водой.

Превращение водонапорной башни в музей оказалось непростой задачей. Хотя ее здание прекрасно отвечало целям создания соответствующей атмосферы, его никак нельзя было назвать идеальным для музея, и своим появлением он обязан четырехлетнему тесному сотрудничеству между Управлением водоснабжения, архитекторами, специалистами по организации экспозиций, работниками просветительного отдела, авторами и специалистами в области средств распространения информации.

Размер и конструкция башни диктовали вертикальное размещение музейной экспозиции. Из-за особенностей конструкции башни к ней пришлось пристроить вторую башню, чтобы обеспечить второй аварийный выход, — такое решение позволило расширить музей. Хотя для удобства ознакомления с различными частями вертикально расположенной экспозиции были установлены лифты, необходимо было также иметь лестницу в качестве запасного выхо-

да. Чтобы подняться сегодня к резервуару для хранения воды бывшей водонапорной башни, посетители пользуются двумя лифтами; нижняя часть резервуара по-прежнему заполнена водой и служит напоминанием о первоначальном предназначении башни. Отсюда посетители выходят на смотровую площадку, опоясывающую башню на высоте 37 метров. Далее по лестнице они спускаются на нижние этажи, каждый из которых отведен под определенную тематическую экспозицию.

Вертикальное расположение оказалось не единственной проблемой. Относительно небольшой диаметр башни исключил возможность традиционной планировки экспозиции, что потребовало оригинального творческого решения. Кроме того, все, кто участвовал в этом проекте, согласились с тем, что водонапорная башня как памятник промышленной архитектуры должна рассказывать об основной теме экспозиции – воде – максимально естественным образом, то есть теми средствами, которыми она располагает как промышленный объект. Поэтому они настойчиво избегали создания пейзажных декораций и псевдонатуралистических форм.

Средства распространения информации позволили представить огромное разнообразие тем в довольно ограниченном пространстве. С помощью компьютеров и видеодисковых плееров информация выводится на мониторы, что побуждает посетителей активно включиться в этот процесс, используя сенсорные экраны и джойстики. Если не считать того, что компьютерная система воспроизводит звуки и изображения, она малопривлекательна на вид, однако Музей воды «Водолей» решил не прятать ее от глаз посетителей. Напротив, сама башня, а также скульптурные художественные интерпретации тем, представленные в каждом разделе, вместе с информационными блоками образуют единую логически связанную среду.

За посетителями музея никто не наблюдает, их никто не сопровождает – здесь нет привычных музейных служителей. Входными билетами им служат специальные карточки, наподобие тех, которыми они пользуются в повседневной жизни, и без них посетители не заставят работать ни одну информационную систему. В то же время они могут набрать очки за участие в викторине, играя на компьютере. Окончательный подсчет набранных очков служит дополнительным стимулом для более внимательного ознакомления с экспозицией музея.

Создать кладезь знаний

Площади музея ограничены, и в нем не может одновременно находиться более ста посетителей. Тем не менее уже сегодня он принимает до пятисот человек в день, и это при том, что музей находится на окраине среднего по размерам города, а не в центре огромного мегаполиса. В часы пик перед ним выстраивается очередь, причем посетители согласны ждать целый час и дольше, чтобы попасть в музей.

Основную категорию посетителей, особенно в течение учебного года, составляют школьники всех возрастов. Не оправдались страхи тех, кто утверждал, что только молодежь, знакомая с современными информационными технологиями, станет посещать музей, – сегодня он привлекает людей всех возрастов. Основные обязанности сотрудников музея заключаются в том, чтобы давать объяснения, касающиеся экспозиции, и выполнять общий контроль, поэтому численность персонала невелика. В часы максимальной нагрузки, случающиеся в течение недели, в Музее воды одновременно работает не больше пяти человек.

Музей также организует различные

мероприятия по теме «Вода». Выставка художника-графика здесь такое же обычное событие, как лекции о сохранении водных ресурсов, а комплектование хорошей библиотеки не мешает разработке специального проекта занятий для школьников, рассчитанных на неделю.

Расходы по переоборудованию старой водонапорной башни под музей были слишком велики даже для крупной компании по водоснабжению, поэтому она обратилась за финансовой поддержкой к руководству земли Северный Рейн-Вестфалия. Сегодня вырос интерес к сохранению ранних памятников промышленной архитектуры, многие из которых постепенно исчезли за последние двадцать лет в ходе преобразования всего района Рура. Водонапорная башня, в течение ста лет служившая символом тяжелой и горнодобывающей промышленности, теперь отражает особенности нового процесса укрупнения городов. Превращение башни из хранилища воды в кладезь знаний отражает новое самосознание жителей региона и делает ее деловым и культурным центром, всегда стремящимся к новому и ориентированным на технический прогресс, бережно относящийся к экологии.

Несмотря на существенную финансовую помощь, полученную от земли Северный Рейн-Вестфалия, Управление водоснабжения, как руководитель Музея воды, получило большой заем под закладную. Мы надеемся, что наш музей будет долго жить, и, судя по тому, что он приобрел известность далеко за пределами Германии, нам следует ожидать до тридцати тысяч посетителей в год. Дополнительные выставки и многие другие мероприятия позволят обогатить уникальное содержание экспозиции музея. Если он выполнит свою основную функцию – донести содержание экспозиции до посетителей, то в будущем сможет добиться еще большего. ■

Книги

Museums and the Shaping of Knowledge, by Eilean Hooper-Greenhill (London, Routledge, 1992).

The Past in Contemporary Society: Then, Now, by Peter J. Fowler (London, Routledge, 1992).

Heritage and Tourism in 'The Global Village', by Priscilla Boniface and Peter J. Fowler (London, Routledge, 1993).

Социологи лишь недавно начали рассматривать сохранение культурного наследия – деятельность занятых в этой области специалистов, их взгляды и формы объединяющих их учреждений – как систему проявлений определенной культуры, подлежащую теоретическому осмыслению и анализу. Первым опытом в данной области стала книга Марка Гийома *La politique du patrimoine*¹ («Политика в области культурного наследия»). Одна из главных целей очерка, в котором анализируются проблемы сохранения и экспонирования культурного наследия во Франции, заключалась в попытке показать, как концепция общественного, национального культурного достояния, сформировавшаяся в период Июльской монархии (1830–1848), превратилась в идеологический инструмент французского государства. Несколько лет спустя идея о возможной монополизации документирования исторической памяти общества посредством наделения определенных музеев и памятников конкретными «политическими» и просветительскими функциями вновь подверглась углубленному изучению в увлекательной книге *The Great Museum, имеющей подзаголовок The Re-Presentation of History*². Ее автор, австралийский политолог Дональд Хорн, подверг разоблачению преднамеренную риторическую патетику европейских памятников истории и культуры, получивших право говорить от лица национальной истории, ориентируясь при этом преимущественно на приверженцев современного культурного туризма. В 1985 году американский ученый Дэвид Лоуэнталь провел широкомасштабное

междисциплинарное изучение проблемы, результатом которого стало появление весьма значительного научного труда *The Past is a Foreign Country* (412 страниц текста, причем 57 страниц занимает библиография). В нем он исследовал те сложные процессы, в ходе которых на протяжении истории западного общества формировался известный ныне образ его прошлого, а также берущее начало в эпоху Возрождения и прогрессирующее отчуждение этого прошлого от современности, при том что прошлое становится тем не менее объектом сиюминутных конъюнктурных манипуляций.

Позднее появился ряд других работ, вышедших из-под пера историков, антропологов, социологов и критиков в области культуры, заинтригованных всеобщим увлечением культурным наследием. Удивительно только, что таких публикаций не оказалось больше и что интерес, о котором они свидетельствуют, не пробудился ранее, поскольку уже к началу 1960-х годов в промышленно развитых странах действовали силы, активизировавшиеся ныне и за их пределами, которые возвели культурное достояние в ранг святыни, в то же время поставив его в полную зависимость от приоритетов в экономике.

Еще более озадачивает факт относительного отсутствия интереса к постановке основных онтологических проблем у многих социологов и представителей смежных дисциплин, работающих в музеях и отделах охраны памятников истории и культуры. Можно подумать, что корпоративная этика удерживает их от применения основного инструментария их профильных дисциплин. Среди множества публикаций описательного характера редко можно встретить попытку поразмыслить над тем, почему что-то делается так, а не иначе.

Но, должно быть, положение дел все же меняется, потому что, если говорить о новой серии издательства Routledge *Культурное наследие: забота – хранение – управление*, то

четыре из одиннадцати опубликованных к настоящему моменту работ представляют собой попытки того более глубокого осмысления, которое и хотелось бы приветствовать³. Ниже дается обзор трех из этих четырех работ.

Как социолог-музеолог Эйлин Хупер-Гринхилл отмечает, что «недостаточное внимание, уделяемое изучению и рассмотрению профессиональной, культурной и идеологической деятельности музеев, означало как несостоятельность в вопросах изучения основополагающих принципов, на которых строится сегодня работа музеев и галерей, так и неспособность создания критической концепции истории музейного дела». В своей книге Хупер-Гринхилл стремится создать такую концепцию, в частности, в том, что касается меняющегося базиса рациональности в практике музеев и его исторических предшественников и тех способов, посредством которых предметы были превращены в средства передачи знаний. Рассматривая главным образом культурные учреждения – предшественники современного музея, она в значительной степени опирается на аналитические труды ныне покойного Мишеля Фуко – современного французского философа, ставшего одним из идиологов современной культуры. Его сочинения обновили наше видение интеллектуальной истории Европы, особенно моментов скачкообразного нарушения эволюционной преемственности. Книга Хупер-Гринхилл фактически представляет собой превосходное введение к его теории, хотя вполне можно было ограничиться изложением основных положений, не утомляя читателя высказываниями Фуко, которыми пестрит текст.

Фуко признавал (и это одна из стержневых его идей, которыми Хупер-Гринхилл руководствуется в своем очерке), что рациональность и так называемая истина в разное время принимали конкретно-исторические формы. Эти формы

вписываются в некие виды деятельности или их системы. В разные эпохи продуцирование знания и определение рационального происходило в рамках специфических совокупностей отношений или структур мышления, названных им *эпистемами*. Различные *эпистемы* определили пути, с помощью которых разного рода социальные институты внесли вклад в формирование знания, используя объемные предметы.

Подход Хупер-Гринхилл проливает долгожданный новый свет на целый ряд институтов культуры, среди которых – и музеи, и картинные галереи титулованных особ, олицетворяемые палатой Медичи; и «музеи всемирной истории», столь характерные для эпохи Ренессанса, с их мистической и труднодостижимой с точки зрения мышления современного человека рациональностью; и частные собрания эпохи классицизма, примером которых – предмет специального очерка Хупер-Гринхилл – служит ныне преданное забвению «Хранилище Лондонского королевского общества», позднее включенное в фонды Британского музея; и публичный музей XIX века, взявший на вооружение «воспитательные методы» своего времени (например, Французский музей, учрежденный в 1792 году, которому суждено было в начале следующего столетия стать Музеем Лувра). Хупер-Гринхилл идет значительно дальше благожелательных и несколько снисходительных описаний, которые можно было найти в историографии музеев. Лишь определив место ранних форм музейного дела в системах и видах деятельности, возникших на основе совершенно иного мировоззрения эпох, предшествовавших современности, можно надеяться понять, каково же место музея в *эпистеме* сегодняшнего дня.

Впрочем, применить столь мощный аппарат герменевтики к современной музейной действительности оказывается не так-то просто. Краткий заключительный раздел на

эту тему у Хупер-Гринхилл вызывает разочарование: здесь почти нет глубинного, раскрывающего суть анализа, в отличие от предыдущих двухсот страниц, а есть лишь слегка снисходительное упоминание различных современных тенденций и методов. Остается надеяться, что в один прекрасный день инструментарий, заимствованный у Фуко, вдохновит ее на аналитическое исследование такого рода, которое ознаменовало бы действительное освобождение современного музеологического мышления от того «духа очевидности» (термин Хупер-Гринхилл), который все еще в значительной мере сковывает его.

Поскольку промышленно развитые страны стремительно вступают в век даже не просто музеев, а целого диапазона видов деятельности, получивших подходящее название «индустрия наследия», что подразумевает наличие соответствующих экономических и иных целей, отличных от собственно культурных, становится все более необходимым выявить истоки современного культа исторического прошлого. Существует ряд серьезных вопросов, на которые требуется дать ответ, и этических проблем, нуждающихся в обсуждении. В своем очерке 1992 года Питер Дж. Фаулер рассматривает эту необъятную тему с точки зрения морали, достигая желаемого результата при меньшей академичности изложения, чем в предыдущей работе, пользуясь языком скорее наблюдателя, чем исследователя-теоретика. Согласно профессору Фаулеру, данная работа,

ни в коем случае не претендуя на строго научный анализ или высоконаучное рассуждение, представляет собой нечто вроде комментария, односторонний взгляд на тему, требующую разговора о нас самих, о нашем отношении к прошлому и о том, по-моему, совершенно поразительном влиянии, которое оказывает на настоящее целый ряд различных моментов исторического прошлого.

Резюме книги дается – и это

неудивительно – в авторском предисловии, словами из новогоднего послания архиепископа Кентерберийского 1991 года:

Я действительно вижу основания назвать это поколение поколением «сегодняшнего дня». А ведь прошлое – это не просто чувство щемящей тоски, вызываемое старыми фотографиями. Не имея подлинного чувства истории, мы можем утратить способности, дарованные нам Господом для решения проблем настоящего.

Будучи профессором археологии в Университете Ньюкасл-апон-Тайн и ведущим деятелем Национального треста Соединенного Королевства, Совета британской археологии и Королевской комиссии по историческим памятникам Англии, автор опирается на собственный опыт, приобретенный в ходе решения сложных проблем. Однако его исследование отношения британцев к своему историческому прошлому в период между 1 июля и 31 декабря 1990 года выходит за рамки клятвенно заверенного свидетельства очевидца, ибо им было отобрано громадное количество материала – и анекдотического свойства, и совершенно иного характера, – на основе как собственных пристальных жизненных наблюдений, так и многочисленных сообщений средств массовой информации.

Поднимаемые им вопросы можно было бы рассмотреть на примере самых различных материалов, в контексте главным образом (но не обязательно только их) промышленно развитых стран: значение и возможности деятельности по сохранению культурного наследия, преследующей цель воссоздать историческое прошлое; элемент мифотворчества, присущий воссозданию такого исторического прошлого, которое приятно дополняло бы современность; парадоксы принудительной «юбилейщины» и неперемное обращение к историческому наследию в современной организации отдыха.

Было бы странно рассматривать эти вопросы, не проведя социологического исследования государственных и частных организаций, в ведении которых находится то, что относится к историческому прошлому. В книге дается общий анализ, дополненный небезынтересной трактовкой практического опыта работы музейных учреждений, достопримечательных мест, туристических центров и т. п. – одним словом, видов деятельности, которой сегодня занята значительная часть работающего населения как в Великобритании, так и в других странах. Любопытен материал, касающийся того, как история находит различное применение в системе академической науки и в сфере образования, как она эксплуатируется индустрией туризма и того, какая тонкая грань отделяет использование прошлого от злоупотребления им в рекламном деле и создании современных тематических парков.

Неизбежным следствием этих явлений современности стало снижение интереса к плодам академического образования, особенно в области гуманитарных наук, поскольку историческое наследие перестало быть заповедной зоной специалистов. Признавая, что «историческое прошлое имеет слишком большое значение, особенно ввиду своей многофункциональности, чтобы его можно было всецело предоставить специалистам по истории», Фаулер тем не менее выступает со столь необходимым здесь предостережением, ибо популярность идеи сохранения исторического наследия и широкая доступность свидетельств материальной культуры прошлого породили

могущественное и доктринерское политическое лобби, влияние которого коммерциализированного подхода, унизирующую индустрию сервиса, безвкусные и бессодержательные представления о прошлом, превращение истории в товар и ее эксплуатацию и, наконец, вероятно, самое худшее – торгашеское попрание законного права общества на

должный доступ к своей истории, между тем как первопричиной открывшихся в этой области возможностей был именно общественный интерес.

Важные соображения того же порядка, основанные на аналогичной подборке фактического материала и изложенные в такой же доступной форме, можно найти и во второй работе профессора Фаулера, написанной им в соавторстве с Присциллой Бонифейс, ныне частным консультантом по проблеме «коммуникации и культурного наследия», ранее работавшей в Королевской комиссии по историческим памятникам Англии. Культурным наследием в значительной степени «питается» туризм, и соответственно авторы *Heritage and Tourism* изучают некоторые антропологические аномалии этого глобального явления, такие, например, как «черепашья психология», заставляющая туристов воспроизводить на новом месте многие черты привычной культурной среды; неокOLONIALИзм, присущий покровительственному отношению Запада к чужеземным культурам и обычаям; подделки изделий народных промыслов, выдаваемых туристам из других стран за «творения национальной культуры»; различные ухищрения, к которым прибегают большие и малые города, проявляющие все возрастающее желание добиться статуса «культурного наследия» для отдельных районов своей городской застройки; наконец, различное манипулирование символами традиционной сельской жизни, тогда как мир старого села давно уже не существует.

В книге разбираются ключевые вопросы современной действительности. Например, в то время как многие музейные инициативы начинаются по причинам, далеким от научных, уместно рассмотреть вопрос о политически оппортунистическом формировании представлений в условиях, когда основными источниками финансирования

подобных инициатив являются секторы занятости и туризма. Подтверждает доводы авторов и факт обретения городскими кладбищами, если можно так выразиться, второго дыхания в качестве туристических достопримечательностей. Пример кладбищ, как и многих других элементов исторической городской застройки, типа районов набережных, городских парков, каналов и мостов, показателен не только с точки зрения изменения понятия значимости и ценностных представлений, но и в том плане, что данный

процесс эволюционного развития требует, чтобы гражданам были доступны серьезные теоретические знания, которые дают научные открытия, исследовательская работа и переоценка исторических фактов, причем в не меньшей степени, чем представления, почерпнутые из общепринятых изданий по истории, экскурсионных обзоров для посетителей музеев, туристических программ и тому подобного.

В наши дни такого рода знаниям, которые может дать лишь серьезная научная подготовка, не отводится достойного места, поскольку лозунги насчет «массовой культуры» и ее «демократизации» слишком часто служат для маскировки совершенно иных идей. На протяжении всей книги подчеркивается, к каким последствиям это приводит, как «каждый день, с прибытием каждого нового туристического автобуса, у каждого памятника, в каждом музее упускаются возможности помочь миру лучше понять себя, ориентируясь в многообразии культур посредством соответствующей интерпретации

исторического наследия».

Обсуждение авторами практически всех тех противоречий, парадоксов и нелепостей (а также удачного опыта и высококлассных проектов), которые характеризуют сегодняшние методы демонстрации культурного наследия туристам всего мира, проникнуто искренней озабоченностью положением дел в данной области, а не только насмешкой, как может показаться. Ведь это касается каждого из нас – показываем ли мы культурное наследие, или воспринимаем его, или делаем то и другое вместе.

Примечания

1. Опубликовано Editions Galilée, Париж, 1980 год.
2. Опубликовано Pluto Press, Лондон, 1984 год.
3. В данной серии, которая задумывалась для удовлетворения нужд музейной и культурной общественности во всем мире, публикуются книги и информационные справочники, предназначенные профессионалам музейного дела и сохранения культурного наследия, а также всем тем организациям, которые заняты обслуживанием музеев.

Автор книжного обзора – Юдхитхир Радж Изар. Родился в Индии, изучал экономические науки и социальную антропологию в Дели и Париже. С 1989 года занимает пост директора Международного фонда содействия культуре (ЮНЕСКО). В 1986–1987 годах был исполнительным директором программы Ага-хана по исламской архитектуре в Гарвардском университете и Массачусетском технологическом институте.

Профессиональные новости

Курсы организации музейного дела

«Руководство переменами в музейном деле» – такова тема «Программы по организации музейного дела» на 1994 год, обсуждение которой намечено на 3–7 июля сего года в Университете штата Колорадо. Этот курс для административных работников музеев будет охватывать такие темы, как административное руководство, взаимоотношения с попечительским советом, финансовое планирование, руководство кадрами, работа с музейными собраниями, экспозиционно-выставочная деятельность и разработка просветительских программ. В числе других вопросов будут рассмотрены такие, как умение владеть конфликтными ситуациями, планирование расширения музея, изыскание дополнительных источников получения дохода, создание программ по работе с посетителями на основе оценочных данных, придание нового звучания музейным экспонатам и приведение их интерпретации в соответствие с требованиями современности, повышение эффективности работы со школами и учителями, организация сбора средств там, где это не просто сделать, влияние изменений в бухгалтерском деле и налоговом законодательстве.

Более подробную информацию можно получить по адресу: Victor J. Danilov, Director, Museum Management Program, University of Colorado, 250 Bristlecone Way, Boulder, CO 80304 (USA). Тел.: (1.303) 443 2946. Факс: (1.303) 443 8476.

Тема пятого семинара по организации музейного дела, который предполагается провести (рабочий язык – английский) в Немецком музее в Мюнхене в период с 7 по 12 августа 1994 года, – повышение эффективности функционирования музеев. Курс рассчитан на директоров и высшее руководство, причем количество участников ограничено 25. Будут рассмотрены основные аспекты

руководства музеями, при этом участникам семинара будет предоставлена полная возможность познакомиться с повседневной работой Немецкого музея. Кроме того, в программу включены вопросы ведения финансовых дел, музейной архитектуры, проектирования и создания экспозиций, работы с коллекциями, консервации предметов технического характера, руководства отдельными проектами, создания этикеток, издательской деятельности и обеспечения безопасности.

Более подробную информацию можно получить по адресу: Abt. Bildung, Deutsches Museum, D-80538 Munich (Germany). Тел.: (49.89) 217.9294. Факс: (49.89) 217.9324.

Новое в развитии визуальной информационной технологии

Музей Лувра в сотрудничестве с Editions LAMY завершает создание базы данных, содержащей в общей сложности 130 тысяч рисунков, акварелей и пастелей, которая станет крупнейшей в мире на сегодняшний день базой данных по графике. Изображения хранятся на 1500 компактных дисках, каждый из которых содержит 660 миллионов символов, и будут доступны для исследователей и публики во всем мире.

Более подробную информацию можно получить по адресу: Service de la Communication, Musée du Louvre, 34–36 qual du Louvre, 75058 Paris Cedex 01 (France). Тел.: (33.1) 40.20.50.50. Факс: (33.1) 42.60.39.06.

Созданная по специальному проекту «Микрогалерея», ставшая частью нового Сейнзбери-уинг Национальной галереи в Лондоне, содержит свыше 2200 произведений живописи, а также более тысячи подготовительных набросков к ним, десятки анимационных изображений и пояснительный текст объемом около трехсот тысяч слов. Система обеспечивает воспроизведение

изображения в цвете на больших экранах, которыми могут пользоваться люди, не имеющие практического опыта работы на компьютере; видеоинформация подается достаточно быстро, чтобы с ней можно было ознакомиться менее чем за секунду, переводя взгляд с экрана на экран, а управлять системой пользователи могут, просто касаясь выделенных на экране участков. «Микрогалерея», над проектом которой три года работала группа из более чем двадцати человек, дает посетителю возможность пользоваться всеми важными техническими средствами системы, управляя ею с помощью всего лишь семи рычагов.

Более подробную информацию можно получить по адресу: Cognitive Applications Ltd, 4 Sillwood Terrace, Brighton BN1 2LR (United Kingdom). Тел.: (44.273) 821600. Факс: (44.273) 728866.

Новые публикации

Looting in Angkor. One Hundred Missing Objects. Публикация Международного совета музеев (ИКОМ) в сотрудничестве с Французской школой специалистов по дальневосточным странам (Ecole Française d'Extrême-Orient, Paris, 1993, 102 pp.) (ISBN 92-9012-015-0). На двух языках – английском и французском – можно получить, обратившись по адресу: ICOM, UNESCO, 1 rue Miollis, 75732 Paris Cedex 15 (France).

На протяжении около двадцати лет большая часть памятников Ангкора подвергалась незаконным раскопкам и разграблению, и, пока существует спрос на произведения кхмерского искусства, воровство, несомненно, будет продолжаться. Публикация настоящего буклета осуществлена в рамках деятельности ИКОМ по борьбе с незаконной торговлей культурными ценностями; он призван помочь в обнаружении и идентификации некоторых из наиболее значительных произведений, находящихся в розыске. Все представленные

в буклете предметы были похищены в период начиная с 1970 года из Хранилища Ангкора, крупнейшего в мире собрания произведений кхмерского искусства, и, по всей вероятности, были проданы на международном рынке, где «ценителям искусства» безразлично происхождение приобретенных ими работ. В книге содержится подробное описание ста разыскиваемых предметов: целых скульптур, отдельных голов, торсов, фриз и т. п., а в конце дана полезная информация о том, какие шаги следует предпринять, если какой-нибудь из украденных предметов будет обнаружен или идентифицирован.

Art, Anthropology and the Modes of Re-presentation. Museums and Contemporary Non-Western Art. Edited by Harrie Leyten and Bibi Damen and published by the Royal Tropical Institute of the Netherlands/KIT Publications, 1993, 78 pp. (ISBN 90-6832-245-1). Можно приобрести в специализированных книжных магазинах или же непосредственно в институте: 63 Mauritskade, 1092 AD Amsterdam (Netherlands).

Когда планируется выставка произведений искусства стран, не принадлежащих к западной цивилизации, то где логичнее организовать ее – в музее антропологии или в музее современного искусства? Музей первого типа считает такое искусство иллюстрацией необычной культуры и, как правило, сопровождает его показ большим количеством дополнительной информации о самих предметах, их содержании, символической значимости и т. д. Для музея современного искусства произведение искусства представляет собой самодовлеющую ценность, предмет, составляющий его, музея, самоцель, воздействующий непосредственно на эстетическое восприятие зрителя. Естественно, что такой музей стремится дать как можно меньше информации, оставляя зрителя в некоторой растерянности. Эти соображения явились отправным пунктом дискуссии на симпозиуме,

проводившемся в 1992 году в амстердамском Музее тропиков. Его результатом стала публикация настоящего сборника статей. В нем дается общий обзор как истории развития взглядов западного общества на так называемое примитивное искусство за последние тридцать лет, так и различных подходов к его показу, а кроме того, делается попытка найти разрешение противоречия между антропологическим и эстетическим подходами к проблеме экспонирования искусства незападного происхождения.

'Regards sur l'évolution des musées', *Publics et musées. Revue internationale de muséologie*, No. 2, 1992. Published by Presses Universitaires de Lyon, 86 rue Pasteur, 69365 Lyon Cedex 07 (France). 95 FF. (ISBN 2-7297-0443-4).

Недавно издающийся журнал междисциплинарных исследований *Publics et musées*, единственный выходящий во Франции журнал, специально посвященный проблеме взаимоотношений музея с его посетителями. В настоящем, втором по счету, номере рассматривается роль музейного посетителя в процессе эволюции, совершающемся ныне в мире музеев. В последние годы наблюдался колоссальный рост числа проектов и инициатив, связанных с музеями; обновлялись старые музеи, сооружались новые, устанавливались новые связи между музеями или создавались организационные структуры. В статьях данного номера исследуются различные аспекты той роли, которую в этом процессе перемен играет музейный посетитель.

Guide de la presse beaux-arts. Published by Editions Sermadiras, 11 rue Arsène-Houssaye, 75008 Paris (France), 1993, 144 pp. (ISBN 2-903-836-12-4).

Этот справочник полезен всем тем представителям мира искусства, которые заинтересованы в освещении их творчества средствами массовой информации. В нем приводится список около 640 французских художественных критиков и журналистов, пишущих на темы культуры. В двадцати пяти главах содержится информация о специализированных журналах и обзорах, ежедневных газетах, радио и телевидении.

Хроника ВФДМ

Всемирная Федерация друзей музеев, Sierra Mojada 466, Lomas de Barrilaco, México, D.F. 11010

На своем восьмом Международном конгрессе, проходившем в Тревизо (Италия) с 1 по 5 июня 1993 года, ВФДМ приняла следующую резолюцию, имеющую целью стимулировать более широкое участие общественности в сохранении и пропаганде культурного наследия:

1. ВФДМ призывает всех друзей музеев еще более успешно выполнять роль связующего звена между музеями и социальной средой, в которой они находятся.
2. ВФДМ рекомендует друзьям музеев во всем мире активно участвовать в сохранении культурного наследия.
3. ВФДМ рекомендует, чтобы друзья музеев играли все возрастающую роль в разработке просветительных и культурных программ.
4. ВФДМ обращается ко всем государствам с просьбой составить руководство по организации национальных групп друзей музеев и прислать его экземпляр в ВФДМ, которая позаботится о координации обмена информацией, с тем чтобы сделать ее доступной для всех желающих.
5. Друзей музеев настоятельно призывают в периоды финансовых затруднений активизировать усилия по сбору средств на нужды музеев посредством осуществления смелых и творческих инициатив, находящихся отклик у всего общества.
6. ВФДМ рекомендует музейным ассоциациям шире привлекать к работе молодежь, входящую в состав их советов, и упрочивать связи между музейными учреждениями и молодежью.
7. ВФДМ приветствует создание на данном конгрессе специальной рабочей группы по культурному туризму.
8. ВФДМ признает необходимость разработки кодекса поведения (который, в частности, регулировал бы взаимоотношения между друзьями музея и профессиональными музейными работниками) и создания к своему следующему конгрессу соответствующего нормативного документа, который мог бы быть представлен ВФДМ.

УКРАДЕНО

Стеклянная ваза работы Эмиля Галле (1898–1900), выполненная в серых, желтых и оранжевых тонах и украшенная изображением грибов, из собрания дюссельдорфского Музея стекла, Германия. Ваза была похищена из музея в Риме, Италия, в январе 1993 года. (Interpol Rome – Reference 123/C1/SEZ1/717376/1993)

Photo by courtesy of the Düsseldorf Glasmuseum and the ICPO – Interpol General Secretariat, Lyons (France)

